

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Борьба за Ленинскую премию началась ещё в 1957 году, сразу после Второго Всесоюзного съезда советских композиторов. Главными претендентами были Д. Д. Шостакович и Т. Н. Хренников. Премьеры Одиннадцатой симфонии и оперы “Мать” были максимально “раскручены” в прессе, по радио.

О том, как шла информационная подготовка к выдвижению, можно судить по передовице “Новые достижения советской музыки” в последнем номере за 1957 год журнала “Советская музыка”. Она открывалась следующим пассажем: “Советские композиторы встретили славную годовщину Октября большой серией новых интересных произведений. Многократно исполнена с громадным общественным успехом новая, Одиннадцатая симфония Д. Шостаковича, посвящённая революции 1905 года. Заслуга первого исполнения выдающейся симфонии принадлежала двум прославленным коллективам: Государственному симфоническому оркестру СССР (дирижёр Н. Рахлин) и оркестру Ленинградской филармонии (дирижёр Е. Мравинский). Одновременно в трёх крупнейших театрах страны – Большом театре СССР, Ленинградском театре имени С. М. Кирова и Горьковском театре имени А. С. Пушкина – поставлена новая опера Т. Хренникова “Мать” по одноимённой повести М. Горького. Появление новой оперы на столь значительный классический сюжет привлекло большой общественный интерес”.

Для того чтобы иметь как можно больше шансов в борьбе за Ленинскую премию, и симфония, и опера были представлены не только сами по себе, но, в качестве подстраховки, ещё и с выдвижением исполнителей. За симфонию – оркестр Ленинградской филармонии и дирижёр Е. А. Мравинский, за оперу – коллектив Нижегородского театра оперы и балета им. А. С. Пушкина¹.

При внимательном чтении прессы начала 1958 года можно понять, что борьба в скрытой форме продолжалась и длилась не только до окончательного решения вопроса с премией 1958 года, но даже после её присуждения. Борьба эта была ожесточённой, в ход шли разные, принятые в ту эпоху приёмы.

В январе Хренников решил провести общее собрание московских композиторов и музыковедов и поручил основной доклад сделать секретарю СК СССР, члену Правления С. В. Аксюку. 22 января состоялось первое заседание, слово было предоставлено Аксюку, и он начал свой доклад с обзора достижений советской музыки за 1957 год, причём с оперы, и в числе первых достижений назвал оперу Хренникова “Мать”, уделив ей главное внимание. И лишь после оперы перешёл к симфоническому жанру, упомянув Един-

надцатую симфонию. Затем, перейдя к проблемам, стоящим перед композиторами, он вновь упомянул оперу и симфонию: “И опера “Мать”, и Одиннадцатая симфония – высокое достижение советского искусства, и оба они ставят один и тот же вопрос, одну и ту же важную для нас проблему – о героическом обобщающем бетховенском начале, которое ещё должно возникнуть в советской музыке”².

Одновременно был дан “залп” журналом “Советская музыка”. В первом номере за 1958 год появилась передовица “За дальнейшие успехи советской музыки”. Статья имела внешне несколько отвлечённый характер эстетического рассуждения на общие темы, которые были вполне актуальны как в предыдущем, так и в наступавшем году.

И хотя в статье не назывались конкретные имена, но по содержанию статья эта продолжала критику в адрес Шостаковича, прозвучавшую в докладе Хренникова на Втором съезде советских композиторов в марте-апреле 1957 года. Отнеся Одиннадцатую симфонию к числу успехов советской музыки, автор статьи не преминул вновь поднять тему трагедийности, которая обсуждалась в связи с Десятой симфонией. Именно на этой теме Хренников выстроил свою критику Шостаковича и на съезде композиторов, и в Комитете по Ленинским премиям, когда там обсуждался вопрос о выдвижении Десятой на Ленинскую премию 1957 года.

Автор статьи высказывает мнение, что “за последнее время у нас проявлялись ложные, ошибочные взгляды, удивившие композиторов от верного и правдивого отображения современной жизни. Под флагом борьбы с последствиями культа личности и с поверхностной лакировкой действительности предпринимались попытки вообще дискредитировать большую героическую тему современности. Таков был основной смысл “теории” о том, что трагедийность должна быть основой советского искусства”.

Заявляя о “существовании трагической темы в нашем искусстве”, о ложности и неправомерности “противопоставления трагедийного начала героическому”, автор статьи задаёт риторическим вопросом: чем вызван “полемический азарт” защитников трагедийного начала? И сам даёт на него весьма недвусмысленный ответ с подтекстом: “Оно проистекает из одностороннего, ущербного понимания трагического как только ужасного, тяжёлого и гнетущего. Отстаивая своё “право на трагическое”, сторонники этой точки зрения фактически сближались с авторами тех литературных произведений, которые рисовали нашу действительность одной чёрной краской и не видели самого главного и основного в ней, того, что позволяет советским людям – строителям коммунизма – побеждать все трудности и препятствия, преодолевать внутренние противоречия и идти уверенным шагом вперёд, к всё новым достижениям и успехам”.

Автор прекрасно был осведомлён о ситуации, сложившейся в советской литературе, о недовольстве Хрущёва настроениями, имевшими место в среде литераторов. Это был, в сущности, скрытый намёк на некую неблагонадёжность. Правда, автор находит главного виновника – бывшего главного редактора журнала “Советская музыка” Г. Н. Хубова. Не называя его по имени, ясно даёт понять, кого имеет в виду: “Теория” ведущей роли трагедийного начала в искусстве наших дней нашла отражение в ряде высказываний на страницах журнала “Советская музыка”. Она являлась частью целой системы взглядов, пропагандируемых журналом в течение довольно длительного времени и сводившихся на деле к ревизии некоторых основных положений эстетики социалистического реализма”. Это уже было серьёзно. Собственно, на этом ложном обвинении и было построено дело Хубова, закончившееся его смещением с должности главного редактора журнала. Однако на самом деле автор целился отнюдь не в Хубова, отставленный глава журнала был лишь “ложной целью”. На самом деле имелся в виду Д. Д. Шостакович, которого Хубов всячески поддерживал в своём журнале.

В очернительстве советской действительности и в гипертрофированном трагизме с начала 1954 года и вплоть до Второго съезда советских композиторов весной 1957 года Шостаковича дружно обвиняли сторонники ждановской эстетики, в том числе и сам Хренников.

Точно такой же смысл имело и другое обвинение в адрес журнала под руководством Хубова: “Явно ревизионистский характер носили установки журнала по вопросу о народности музыки. <...> Между тем, в ряде статей

журнала “Советская музыка” выдвигалась абстрактная, схоластическая трактовка народности, по сути, вытравливающая из этого понятия всякое определённое и конкретное содержание. В частности, систематически опорочивалось непосредственное обращение композиторов к фольклорным источникам как якобы низшая, примитивная ступень в развитии национального музыкального языка”³.

Первые три номера журнала “Советская музыка” вышли в свет раньше окончания работы Комитета по Ленинским премиям. Помимо передовицы в первом номере, остальной материал, что называется, на всякий случай, был взвешенным – в равной степени упоминал по разным поводам и симфонию Шостаковича, и оперу Хренникова. Так сказать, на паритетных началах.

Осторожный И. Нестьев в своей “Заметке о современной теме в музыке” в первом номере журнала воздал каждой сестре по серьге. “Разве несовременны для нас сюжеты Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича или оперы “Мать” Т. Хренникова, повествующие о событиях первой русской революции?”⁴. В этом же номере помещены одна за другой статьи Е. Грошевой о постановках оперы “Мать” в разных театрах и Л. Лебединского о фольклорном материале в Одиннадцатой симфонии.

В третьем номере журнала “Советская музыка” знаток оперы Б. Ярустовский рассуждая о современной советской опере, упоминает оперу “Мать”, а теоретик, знаток творчества Шостаковича А. Должанский делится своими наблюдениями об Одиннадцатой симфонии. Не забыл упомянуть Одиннадцатую и в своей солидной, объёмистой статье Ю. Келдыш. Кстати, в этом же номере музыковед Л. Полякова опубликовала свою статью о балете “Отелло”.

Впрочем, силы были неравны. Хренников сумел на какое-то время при помощи Ю. В. Келдыша прибрать к рукам журнал, но это ему не помогло. И дело тут не в том, что опера “Мать” и Одиннадцатая симфония были, что называется, в разной весовой категории, и Хренников не мог соперничать с Шостаковичем по художественной линии. Теоретически могли быть присуждены две премии за музыкальные произведения, так как они были разных жанров. Да и подстраховка давала шанс Хренникову получить Ленинскую премию не за саму оперу, а за постановку её в Нижегородском театре. Да и мало ли было Ленинских, не говоря уже о других премиях, присуждённых произведениям очень скромным по своим художественным достоинствам! Причина была совсем не в художественной ценности оперы “Мать”. Случилось так, что после июньского 1957 года пленума ЦК КПСС Хренников потерял мощную поддержку в лице своего покровителя со Старой площади – секретаря ЦК КПСС Д. Т. Шепилова. И судьба-злодейка на какой-то момент отвернулась от первого секретаря СК СССР.

Третьего января 1958 года газета “Правда” публикует статью Д. Кабалевского о фестивале музыкальных театров, который шёл почти весь 1957-й год и был посвящён юбилею – 40-летию Октябрьской революции. Кабалевский был членом жюри смотра музыкальных театров и видел если не все, то большинство спектаклей на столичной сцене. В конце 1957 года в статьях, посвящённых этому смотру, как правило, первым делом упоминали оперу “Мать”.

В своей статье Кабалевский сначала отметил чешского дирижёра Э. Халабалу, успешно продирижировавшего оперой В. Шуберта “Укрощение строптивой” в Большом театре. Потом напомнил, что жюри выделило постановки оперы С. Прокофьева “Война и мир” в Киевском государственном театре оперы и балета им. Т. Шевченко и московском Театре оперы и балета им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко⁵. А затем перешёл к критическим замечаниям. И первой в разделе критики у него оказалась постановка оперы “Мать”. Привожу целиком фрагмент его статьи: “Жюри иногда отмечало недостатки в премированных спектаклях и сильнейших наших театров. Вот, например, в постановке новой оперы “Мать” Большой театр привлёк лучшие силы. Пюют в этом спектакле лучшие солисты, дирижирует Б. Хайкин, ставит Н. Охлопков, оформляет В. Рындин! А тем не менее, именно этот спектакль вызвал большое число критических замечаний. В нём есть то, чего больше всего надо опасаться в музыкальном театре: несоответствие театрального решения характеру музыки. Замысел Охлопкова-Рындина очень интересен сам по себе. Плодотворен он уже тем, что направлен против натуралистической рутины, весьма живучей в оперных театрах. Но невозможно отделаться от впечатления, что замысел этот рождён абстрактно, исходя из

темы оперы, но вне всякой связи с её музыкой. Невзирая на то, что некоторые, преимущественно массовые, сцены решены режиссёром блестяще, спектакль не оставляет цельного впечатления”. Казалось бы, речь идёт лишь о постановке, но о самой опере — ни слова. Это был очевидный сигнал.

Восьмого января газета “Известия” отдаёт целый подвал статье Д. Шостаковича с названием, менее всего ожидаемым от композитора, которого ещё сравнительно недавно причисляли к сторонникам формалистического, антинародного направления, — “Ближе к народу!”. Надо отдать должное Дмитрию Дмитриевичу как великолепному мастеру полемики. Не чураясь принятого газетно-журнального этикета, умея весьма ловко и кстати вставить в свой текст необходимые словесные штампы пропагандного официоза, он, тем не менее, находил возможность дать достойный отпор своим противникам. Так и в этой статье он искусно парирует обвинения в его адрес со стороны сторонников ждановской эстетики, пестуемой Хренниковым и его окружением.

Шостаковича обвиняют в отрыве от народа — Дмитрий Дмитриевич отвечает высокой риторикой: “Бесплодно творчество без глубокой связи писателя, художника, композитора с жизнью своего народа. Лишь тот из них выступает активным выразителем дум народа, кто чувствует биение его сердца и дыхание современности; без этого невозможны большие произведения реалистического искусства”.

Шостаковича критиковали на Втором съезде композиторов за то, что он выступает против метода цитирования народных песен в симфонических произведениях — Шостакович легко, как искусный рапирист, наносит встречный “укол с уходом”: “Сколько есть у нас прекрасных, часто незаслуженно забытых песен, сложенных безымянными поэтами и музыкантами! Эти песни вдохновляли на подвиги, на борьбу поколения передовых людей, воспевали родную нам русскую природу с её необозримыми просторами степей и лесов. Вполне естественно, что композиторы часто вводят в свои произведения мелодии таких песен. Но мы не всегда умеем почувствовать их по-настоящему своими, увидеть сквозь призму своего творческого мироощущения. В этом случае песни оказываются вставными номерами или цитатами, отнюдь не придающими музыке колорита воспеваемой эпохи. Ведь композитор, владеющий профессиональным мастерством, сможет разработать и расцветить оркестровыми красками мелодию любой песни. Но она станет необходимым элементом оперы или симфонии только тогда, когда автор глубоко прочувствовал и выстрадал весь тематический материал произведения. Только тогда песня станет органической и родной всему строю его музыки. Никто не скажет, слушающая музыка, что песня является простой цитатой”.

Шостаковича обвиняли в нарочитой сложности языка, делающей его произведения недоступными для простого слушателя. Дмитрий Дмитриевич возражает, прибегнув к софистике: “В творчестве надо быть последовательным и принципиальным. Нельзя жить компромиссами, нельзя подделываться под примитив, оправдывая это тем, что якобы, чем проще, тем понятнее, что сложное будто бы не дойдёт до слушателя. Примитив — враг искусства точно так же, как заумность, серость и штамп. Художнику нельзя не искать новых путей, не двигать вперёд своё искусство. Но эти новаторские поиски надо сочетать со стремлением к тому, чтобы творчество отражало сокровенные думы народа. Мы против упрощения музыкального языка, мы за ту высокую простоту, которая была свойственна всем истинно гениальным художникам, которая свидетельствовала не о примитивности, а, наоборот, о богатстве их духовного мира. Здесь сокрыт источник подлинного новаторства. Такую музыку услышат, поймут современники, к чему и должен стремиться композитор”.

И далее Шостакович затрагивает болезненную тему состояния массовой песни, киномузыки, касается и актуального вопроса создания хорового общества, острых проблем преподавания музыки в общеобразовательной школе и музыкально-эстетического воспитания молодёжи. (Мы ещё вернёмся к этой статье в связи со статьёй Г. В. Свиридова в “Правде” в сентябре 1958 года.)

Уже само размещение такой внушительной по размерам и проблемной статье говорит само за себя. Хренникову в это время не предоставляли возможности выступить в центральной печати. Есть и ещё одна особенность статьи Шостаковича. Она выстроена вокруг песенного жанра. И в скрытой форме Дмитрий Дмитриевич фактически афишировал свою Одиннадцатую симфонию, давая понять, что она — песенная по своему музыкальному материалу.

Эта публикация очень сильно разнится от статьи Д. Кабалевского о смотре оперных спектаклей. Вероятно, по этой причине, чтобы не было похоже на предвзятость, в следующем номере “Известий” от 9 января появилась передовица “Высокое призвание искусства”, посвящённая Всесоюзному фестивалю театров, ансамблей и хоров. Утешительно звучит в ней скупая строка: “Возросшим мастерством творческих коллективов отмечены оперные спектакли “Мать” (композитор Т. Хренников) в Большом театре СССР, “Война и мир” (композитор С. Прокофьев) в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко”. Точно так же поступила газета “Советская культура”. В передовице “К новым успехам советской музыки” в номере от 16 января, посвящённом фестивалю музыкальных театров и коллективов к 40-летию Октября, автор передовицы упомянул первыми среди достижений советской музыки 1957 года Одиннадцатую симфонию Д. Шостаковича и оперу “Мать” Т. Хренникова. Правда, газета не преминула на четвёртой странице поместить краткую заметку под рубрикой “Советские артисты за рубежом” – о выступлении Шостаковича в Болгарии⁶. Однако интрига предстоящего конкурса оказалась совсем иной, не связанной с противостоянием Шостакович – Хренников.

15 января в газете “Известия” под заголовком “От Комитета по Ленинским премиям” публикуется список кандидатур на соискание премии 1958 года. Список был более чем внушительный. Только в области музыки и концертно-исполнительской деятельности было тринадцать кандидатур, композиторов и исполнителей. Среди исполнителей что ни имя – то звезда первой величины: Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, Святослав Рихтер, Евгений Мравинский. К этому следует добавить выдающихся музыкантов, режиссёров, дирижёров, балетмейстеров и артистов балета из тех, кто попал в список из области театрального искусства, такие певцы, как А. Пирогов, Б. Руденко, Д. Гнатюк, дирижёры С. Самосуд, О. Димитриади, режиссёр Л. Баратов, балетмейстеры и артисты балета В. Чабукиани, Л. Якобсон, Ю. Григорович, А. Макаров, И. Зубковская, Н. Петрова.

В обоих списках значились следующие композиторы: А. Баланчивадзе (за Третий фортепианный концерт), Н. Жиганов (опера “Джалиль”), Г. Майборода (опера “Милана”), Г. Свиридов (Поэма памяти Сергея Есенина), О. Тактакишвили (симфония № 2), А. Хачатурян (балет “Спартак”), Т. Хренников (опера “Мать”), В. Шебалин (опера “Укрощение строптивой”), Д. Шостакович (11-я симфония), из театрального списка – А. Мачавариани (балет “Отелло”), А. Бабаев (опера “Арцваберд”) и А. Ленский (балет “Дильбар”).

Уже по этому списку было понятно, что в выдвижении усматривается некоторое неравенство. Одни композиторы были представлены только своими сочинениями. Эти сочинения выдвигались только Союзом композиторов какой-либо республики или общесоюзным. Поэма памяти Сергея Есенина Г. В. Свиридова или опера В. Я. Шебалина “Укрощение строптивой” рекомендовались только Союзом композиторов СССР. Другие выдвигались одновременно Союзом или даже Союдами композиторов и Министерством (Министерствами) культуры. Третьи выдвигались дважды, причём в разных списках. Например, опера “Мать” Хренникова, как мы уже говорили, проходила по списку авторов и по списку театрального искусства – за спектакль в Нижегородском театре.

Балет А. Хачатуряна был выдвинут как авторское сочинение Союзом композиторов и Министерством культуры СССР, да ещё и в списке по театральному искусству – как спектакль Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

Точно так же была представлена опера “Милана” Г. Майбороды: и как авторское сочинение в первом списке, и как спектакль – во втором, театральном списке.

И здесь первенствовал Д. Д. Шостакович. Одиннадцатая симфония шла дважды в первом списке и была представлена сразу двумя Министерствами культуры, Союзом композиторов СССР, да ещё и Ленфилармонией, а за её исполнение отдельно выдвигался Е. А. Мравинский и оркестр Ленфилармонии.

На сей раз Шостакович очень серьёзно подготовился к битве за премию в отличие от предыдущего года, когда он пытался получить её за Десятую симфонию. Казалось, что теперь всё должно было пройти гладко. И в конечном итоге, он получил Ленинскую премию. Но, тем не менее, прохождение на конкурсе в Комитете оказалось не совсем благополучным. А главное – хотя и не такое опасное, но всё же препятствие возникло с совершенно неожиданной стороны.

Возмутителем спокойствия оказался Г. В. Свиридов со своей Поэмой памяти Сергея Есенина. Поэму Свиридов показывал на секретариате Правления ССК СССР в Москве в апреле 1956 года. Поэма прошла “на ура”, её рекомендовали к исполнению в мае. Предполагалось, что премьера состоится в день открытия Второго Всесоюзного съезда советских композиторов. Но съезд был перенесён на следующий год. Тем не менее, директор Московской филармонии М. Гринберг настоял на том, чтобы не переносить премьеру поэмы, и она была исполнена 31 мая 1956 года в Концертном зале им. П. И. Чайковского. Дирижировал Е. Светланов. Поэму встретили с невероятным энтузиазмом, она имела огромный успех.

Однако судьба её поначалу была незавидной. Как я уже писал раньше, лишь в середине июня на премьеру откликнулась одна-единственная газета “Вечерняя Москва”. Она поместила одну-единственную после премьеры рецензию. Её написал Дмитрий Дмитриевич Шостакович⁷, дав ей высокую оценку: “Поэма памяти Сергея Есенина” – это гордость советской музыки”⁸.

Потом наступило долгое молчание, и лишь в августе 1956 года странной, двусмысленной статьёй разразился Марк Сокольский⁹. Умный, многознающий и соблюдавший повышенную бдительность человек, он, конечно, сразу догадался об идейном замысле Поэмы, о чём это сочинение, особенно две последние его части – “Я – последний поэт деревни” и “Небо – как колокол”. “Поглядите, – призывает Сокольский, – после стихов “Я последний поэт деревни” – на них Свиридов вовсе не хочет ставить точку – как отрицание, как преодоление их трагического смысла следует: “Небо – как колокол, месяц – язык, мать моя – родина, я – большевик!” Но преодоления и отрицания тут всё же не чувствуется. Почему? Прежде всего, потому, что такое прямолинейное, в лоб, сопоставление двух текстов таит в себе неразрешимое противоречие: “часы... прохрипят мой двенадцатый час” и рядом, тут же: “я – большевик”. И далее Сокольский даёт политическую оценку поэту: “...на самом деле Есенин не был, не стал большевиком. И лишний раз убедиться в этом можно хотя бы по ...стихам “Небо – как колокол”, в которых Есенин “ради вселенского братства людей” провозглашал жертвенную гибель матери-родины и готов был “радоваться песней” её смерти... Как бесконечно далеко это от истинного понимания нашей революции!”

Вероятно, Сокольский (или редакция “Литературной газеты”) не хотел вешать на автора обвинение в идейных ошибках. Всё же на дворе стоял август 1956 года, ещё свежи были впечатления от знаменитого доклада Н. С. Хрущёва о культе личности. Тем не менее, критик не преминул указать на неверный, идейно не выдержанный отбор стихов Есенина и отсюда – неверную интерпретацию творчества Есенина в Поэме. Как он писал, “чтобы создать достойный музыкальный памятник своему любимому поэту, чтобы верно очертить его облик, Свиридову нужно взять всё живое, всё лучшее, наиболее характерное и неповторимо индивидуальное в творчестве Есенина. И, конечно, не закрывать глаза и на трагическое, тяжёлое, тёмное в его личной и поэтической судьбе. <...> Но передавая эту трагедию, необходимо ярче и отчётливее показать и искреннее, горячее, светлое стремление Есенина постичь революционную новь, не рисуя его большевиком, не оставляя Есенина и за околицей старой деревни”.

Окончательный вывод М. Сокольского малоутешителен: “Памятуя всё это, мы и считаем, что поэмы как единого и законченного целого в партитуре Свиридова пока ещё нет”.

Позднее за Поэму заступились музыковеды и композиторы, близкие и сочувствующие Свиридову, журнал “Советская музыка” в 1956 году поместил несколько антикритик – возражений Сокольского. Тем не менее, в 1957 году, хотя Поэма вновь с успехом была неоднократно исполнена и прозвучала на первом симфоническом концерте Второго съезда советских композиторов 27 марта 1957 года, пресса дружно молчала о ней. Главными

героями в центральных СМИ были Одиннадцатая симфония Шостаковича и опера “Мать” Хренникова.

И всё же Правление Союза композиторов СССР, вероятно, не без активного участия Д. Д. Шостаковича, вынуждено было выдвинуть Поэму на соискание Ленинской премии. В архиве Комитета по Ленинским премиям сохранилась выписка из протокола № 11 заседания Секретариата Союза советских композиторов СССР от 16 декабря 1957 года:

“1. Слушали: О выдвижении кандидатов на соискание Ленинских премий за 1957 г.

Постановили: а/ Выдвинуть на соискание Ленинских премий следующие произведения

1. Г. Свиридова – поэма “Памяти Сергея Есенина”.

П/п Секретарь СК СССР – Ю. Шапорин.

За секретаря Правления СК СССР – Ю. Коров

Выписка верна:

Зав. Секретариатом (подпись) /Е. Лигская/”.

18 декабря в Комитет по Ленинским премиям высылается решение Секретариата Союза советских композиторов СССР:

“№ 2458/1а 18 декабря 1957 г.

В Комитет по Ленинским премиям

Решением Секретариата Союза композиторов СССР на соискание Ленинских премий за 1957 год выдвигаются произведения следующих композиторов:

1. Г. Свиридов – поэма “Памяти Сергея Есенина”

Секретарь Союза композиторов СССР – Ю. Шапорин”¹⁰.

В сохранившемся в фонде Комитета по Ленинским премиям личном деле Г. В. Свиридова, помимо биографии и библиографии, есть аннотация на Поэму памяти Сергея Есенина. Судя по тексту, она написана самим композитором. Когда читаешь сегодня аннотацию, становится очевидным, насколько была беззащитна Поэма перед лицом мощной партийной машины официальной идеологии того времени. Привожу авторскую интерпретацию Свиридовым двух последних частей Поэмы:

“Две последние части (также контрастные) завершают основные сюжетные линии поэмы, рассказывая о судьбе поэта и судьбе Родины.

Трагический монолог – “Я – последний поэт деревни” – предсмертное прощание поэта с родной землёй. Приветствуя революцию, он в то же время не нашёл своего места в новой жизни. Сурово-сдержанный в начале, монолог становится всё более взволнованным. После резких ударов, пронзающих тишину, словно выстрелы, вступает хор: он звучит, как завывание ветра, как плач матери-родины, природы, провожающей поэта в последний путь.

И сразу же наступает полный ослепительного света финал – величавое утверждение веры в жизнь. В оркестре возникают торжественные звуки колоколов. Простая, эпически выразительная мелодия хора соответствует гордым, мужественным словам:

*Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик”¹¹.*

Безусловно, бдительный М. Сокольский в своей критике Поэмы был намного ближе к подлинному авторскому замыслу Поэмы. И, конечно, он знал, что Свиридов убрал последний катрен из второго стиха “Иорданской голубицы”, не оставив никакой надежды на “светлую весть”, акцентируя трагический смысл финала Поэмы:

*Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.*

*Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Месяцем бью.*

*[Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.]*

В начале 1958 года была создана новая партийная структура – Идеологическая комиссия ЦК КПСС. Некий своеобразный парафраз организации *Opus Dei* (Дело Божье), но, в отличие от своего испанского прототипа, проверяющий коммунистическую “святость” тех или иных мыслей, деяний и намерений простых советских смертных, советских и зарубежных учреждений и организаций. 19 июня 1958 года в его недрах родилось Постановление “О неправильном подходе к переизданию сочинений С. Есенина”¹². В основе Постановления лежала Записка отделов пропаганды и агитации и культуры ЦК КПСС от 27 мая того же года, подготовленная заводделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л. Ильичёвым, заместителем заводделом культуры ЦК КПСС Б. Рюриковым и заместителем заводделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР А. Косульниковым.

В Записке звучало тревожное предупреждение: “Считаем необходимым доложить об ошибочной практике многочисленных переизданий сочинений Сергея Есенина, сложившейся за последние 2-3 года.

Как известно, в творческом наследии С. Есенина, наряду с замечательными поэтическими произведениями, посвящёнными русской природе и родине, есть и такие произведения, которые проникнуты упадочническими, религиозными настроениями, отражавшими идейную незрелость и растерянность поэта, не понимавшего смысла перестройки страны на социалистических началах. Противоречивость творчества С. Есенина требует от издательств, выпускающих его произведения, объективного объяснения сильных и слабых сторон творческого наследия поэта. Как показала практика, эти требования соблюдаются издательствами неудовлетворительно, что наносит ущерб воспитанию читателей, особенно молодёжи”¹³. И далее говорится об истории изданий произведений С. Есенина после войны, даётся рекомендация не издавать новых сборников его стихов и подготовить собрание сочинений С. А. Есенина. Рекомендация была дана Госиздату, что, кстати, и было осуществлено в начале 1960-х годов.

Записка писалась в мае, но готовилась раньше. Впрочем, такая интерпретация творчества Есенина была присуща официальной идеологии и до начала работы Идеологической комиссии. И М. Сокольский, когда писал свою статью о Поэме в августе 1956 года, прекрасно знал партийную установку.

В своих воспоминаниях о встрече с Г. В. Свиридовым литературовед С. И. Субботин привёл рассказ композитора о прохождении его Поэмы на конкурсе. “В 1958 году “Поэма памяти Сергея Есенина” была выдвинута на Ленинскую премию одновременно с 11-й симфонией Шостаковича. С Дмитрием Дмитриевичем тогда мы были в большой дружбе; накануне объявления решения он позвонил мне и сказал, что всё вроде бы складывается неплохо. Но один композитор – не хочу называть его имени, – посоветовавшись с другим композитором (имени которого я тоже не хочу называть), побегал в ЦК и сказал, что Есенин – это кулацкий поэт. Этим дело тогда и кончилось”¹⁴.

Имена композиторов Свиридов мне называл. Я тоже не хочу их упоминать по той простой причине, что был ли на самом деле такой поход в ЦК или его не было, доказать теперь невозможно. Но само выражение “кулацкий поэт” вполне могло прозвучать в кабинете какого-нибудь сотрудника отдела культуры ЦК КПСС на шестом этаже здания на Старой площади.

Поэма памяти Сергея Есенина была обречена на провал и не прошла по конкурсу на Ленинскую премию 1958 года. Тем не менее, она потрепала нервы руководству Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

Очередная сессия в работе Комитета по Ленинским премиям началась 6 февраля. В конце января – начале февраля в прессе появились отклики о разных сочинениях, которые были выдвинуты на Ленинскую премию. Особое внимание привлёк балет “Отелло”. О нём появились рецензии в “Правде” 26 января¹⁵ и в “Советской культуре” 4 февраля¹⁶. 1 февраля газета “Советская культура” поместила обзорную статью М. Игнатъевой о новых оперных спектаклях в театрах Киева, Харькова и Львова, в том числе и об опере “Милана” Г. Майбороды¹⁷.

Не был забыт в эти дни и Д. Д. Шостакович. Музыковед Л. Бергер в рубрике “Концертный дневник” поместила статью об исполнении Одиннадцатой симфонии Госоркестром под управлением К. Иванова в Большом зале московской консерватории, в Доме культуры завода им. И. А. Лихачева и в Центральном доме Советской армии. Не обошлось и без критики. Бергер посетовала, что на концерте в Доме советской армии не было ни афиш, ни программ¹⁸. Как будто в насмешку, в этом же номере газеты была помещена статья о постановке на Ленинградском телевидении оперетты Свиридова “Огоньки”¹⁹. Нашли время, когда вспоминать о сочинении, созданном в самое глухое для Свиридова время – в 1951 году, после того, как он был оглушен Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года! О Поэме памяти Сергея Есенина в эти дни ни одна из газет не вспомнила.

6 февраля начали работу секции в Комитете по Ленинским премиям. В том числе и секция музыки. К этому времени секцией был решён вопрос с исполнителями. Их кандидатуры просто сразу отсекали. Слишком уж непомерно большим был список кандидатур. Остались только композиторы. Стенограмма заседания секции 6 февраля свидетельствует, что в тот день кандидатура Свиридова прошла без труда. Привожу текст стенограммы.

Стенограмма заседания секции музыки 6 февраля:

“Присутствуют: тт. Кухарский В. Ф., Шостакович Д. Д., Тактакишвили О. В., Мухатов В. М., Чебан Т. С., Капэ Э. А., Соловьёв-Седой В. П.

Председательствует – Хренников Т. Н.

<...>

Хренников Т. Н.

– <...> Следующая кандидатура – Свиридов Г. В. “Памяти Сергея Есенина”, вокально-симфоническая поэма. Выдвигается Союзом композиторов СССР. (С места: Оставить). Остаётся”²⁰.

15 февраля в газете “Известия” было помещено следующее сообщение от Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства:

“Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства сообщает, что из всех работ, представленных на соискание Ленинских премий 1958 года, после их рассмотрения секциями и пленумом Комитета отобраны для дальнейшего рассмотрения следующие кандидатуры.

В области музыки

1. **Жиганов Н. Г.** “ДЖАЛИЛЬ”, опера.

Представлена Союзом композиторов СССР.

2. **Майборода Г. И.** “МИЛАНА”, опера.

Представлена Союзом композиторов Украины.

3. **Свиридов Г. В.** “ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА”, вокально-симфоническая поэма. Представлена Союзом композиторов СССР.

4. **Тактакишвили О. В.** ВТОРАЯ СИМФОНИЯ.

Представлена Союзом композиторов Грузии.

5. **Хачатурян А. И.** “СПАРТАК”, балет.

Представлена Министерством культуры СССР, Союзом композиторов СССР.

6. **Хренников Т. Н.** “МАТЬ”, опера.

Представлена Союзом композиторов СССР.

7. **Шостакович Д. Д.** Одиннадцатая симфония “1905 ГОД”. Представлена Министерством культуры СССР, Союзом композиторов СССР, Министерством культуры РСФСР, Ленинградской государственной филармонией.

В области театрального искусства:

2. **Баратов Л. В.**, **Златогоров П. С.** — режиссёры. **Самосуд С. А.** — музыкальный руководитель постановки, **Пирогов А. С.** — исполнитель роли Кутузова. Спектакль “ВОЙНА И МИР” в Государственном московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Представлены Управлением культуры исполкома Моссовета, Московским станкостроительным заводом имени Серго Орджоникидзе.

5. **Мачавариани А. Д.** — композитор, **Чабукиани В. М.** — балетмейстер и исполнитель роли Отелло, **Вирсаладзе С. Б.** — художник, **Димитриади О. А.** — дирижёр. Спектакль “ОТЕЛЛО” в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Представлены Министерством культуры Грузинской ССР.

9. **Тольба В. С.** — дирижёр, **Лобанова Л. Д.**, **Чавдар Е. И.**, **Гмыря Б. Р.** — исполнители ролей. Спектакль “МИЛАНА” в Государственном украинском академическом театре оперы и балета имени Т. Г. Шевченко в г. Киеве. Представлены Министерством культуры Украинской ССР, Киевским государственным университетом имени Т. Г. Шевченко, Киевским заводом “Ленинская кузница”.

10. **Шерман И. Э.** — дирижёр, **Бакалейников А. И.** — режиссёр, **Чиненкова М. Л.** — исполнительница роли Ниловны. Спектакль “МАТЬ” в Горьковском театре оперы и балета имени А. С. Пушкина. Представлены заводом “Красное Сормово” имени А. А. Жданова²¹.

Перед тем, как газета “Известия” опубликовала второй список, состоялось одно знаменательное событие. 10 февраля в Кремле Н. С. Хрущёвым был устроен приём для представителей научной и художественной интеллигенции. Как известно, на этом приёме Д. Д. Шостакович провозгласил здравицу в честь КПСС²².

В тот же день, когда “Известия” опубликовали список претендентов на соискание Ленинской премии, газета “Советская культура” поместила на своих страницах очередную рецензию на авторский концерт Д. Д. Шостаковича в Большом зале Московской консерватории, в котором прозвучала Одиннадцатая симфония, а сам автор исполнил партию рояля в своём втором фортепианном концерте. Кроме того, была исполнена Праздничная увертюра²³. Все эти сочинения прозвучат на Всемирной выставке в Брюсселе в августе, и главным исполнителем будет Госоркестр СССР. Только в Москве дирижировал А. Гаук, а в Брюсселе будет дирижировать К. Иванов. Как-то с трудом верится, что публикация списка номинантов на Ленинскую премию и рецензия на концерт одного из главных претендентов на премию вышли случайно в один и тот же день.

Второй список был всё же достаточно большим. К концу сессии в начале апреля он сократился до пяти кандидатур. В начале сессии каждую кандидатуру обсуждали сравнительно быстро, без подробностей. Ближе к концу обсуждения, перед выносом окончательного списка на пленарное заседание, споры становились всё более жёсткими, порой останавливались на той или иной кандидатуре подольше, обсуждали подробнее. Так было и на первом апрельском заседании секции 2 апреля. На этом заседании присутствовали Э. А. Капп, Т. С. Чебан, В. М. Мухатов, В. Ф. Кухарский, Д. Д. Шостакович, В. П. Соловьёв-Седой, О. В. Тактакишвили (его кандидатура к этому времени уже была отклонена). Председательствовал Т. Н. Хренников.

В этот раз кандидатура Свиридова всё же подверглась обсуждению, не так, как раньше, когда она проходила автоматически. Она шла наряду с Одиннадцатой симфонией Шостаковича. Привожу текст этого фрагмента стенограммы заседания 2 апреля:

“Хренников Т. Н.

— Следующая кандидатура — Свиридова, “Памяти Сергея Есенина” вокально-симфоническая поэма. Какие будут мнения?

Шостакович Д. Д.

— Хотелось бы оставить в списке. Произведение замечательное, производит сильное впечатление.

Тактакишвили О. В.

— Вполне присоединяюсь к этому мнению.

Соловьёв-Седой В. П.

— Произведение талантливое и новаторское. Но мне лично кажется, что это произведение камерное и в камерном исполнении производит более сильное впечатление. Мне представляется, что то новаторское, что он нашёл в средствах выражения с помощью одного исполнителя и фортепиано, в оркестре утрачивается. У Свиридова есть особый приём, который им найден, — колокольного перезвона на фортепиано, который произвёл на меня большое впечатление. Когда я услышал в оркестре натуралистический удар колоколом, — это приём, часто использующийся в музыкальной литературе. Хор недостаточно доносит слова, ораторски он не сделан. Ораторский текст отличается от камерного тем, что должен более широко говорить, более скандированно, чтобы донести мысль до слушателей. Мне кажется, что произведение Свиридова в таком исполнении, как слышали в зале Чайковского, проигрывает по сравнению с тем исполнением, когда я слышал <её> впервые. Мне представляется, что это произведение камерное. Единственная претензия, что автор не нашёл настоящих средств исполнения для своего произведения. Тем не менее, я считаю, что это произведение настолько талантливое, выдающееся, что его надо поставить на голосование.

Капп Э. А.

— Я слушал сколько раз произведение Свиридова и не нахожу, что оно камерное, разве только теноровая партия, которая воспроизводит самого Есенина. Она интересно написана. Единственное замечание: я бы не написал музыку на такую тему, как “грабители, убийцы”, потому что это не революционеры²⁴. Как-то не вяжется, чтобы писать музыку на эту фразу. Но у автора интересно и удачно использован непосредственный русский фольклор — это несомненно.

Чебан Т. С.

— Мне произведение Свиридова понравилось. Но надо сказать, что не было ансамбля хора и оркестра. Оркестра не было слышно, так как хор очень большой, много шума. Действительно, в камерном исполнении было бы лучше. Моё мнение — поставить на голосование.

Мухатов В. М.

— Я бы поставил на голосование.

Кухарский В. Ф.

— Я бы поставил на голосование, потому что нет другого выхода. Произведение Свиридова исполнялось много раз и определило свою концертно-исполнительскую судьбу. Произведение талантливое и не старорусская, а новорусская современная музыка. Я не почувствовал проблему камерности и массовости. Мне кажется, оно великолепно написано в той форме, в какой задумано, <о> е<сть> с оркестром, хором и солистом. Этому произведению не повезло в том отношении, что оно исполнялось в зале Чайковского, где хор за оркестром не звучит. Если бы исполнялось в Большом зале, этой претензии к автору не было бы. В смысле концепции — неверна финальная часть, но это не может служить основанием для того, чтобы не ставить на голосование. Достоинства её глубже, нежели некоторые неточности финальной части. Что касается “грабителей, убийц” и проч., это знаменитые есенинские образы и стихи, Есенин не был революционером и так воспринимал Владимирскую дорогу.

Хренников Т. Н.

— Никто не возражает против оставления в списке? (Нет). Остаётся в списке.

<...>

Хренников Т. Н.

— Следующая кандидатура — 11 симфония Шостаковича. Какие будут предложения?

<...>

Мухатов В. М.

— Это выдающееся произведение. Правда, каждый по-разному воспринимает музыку. На многих большее впечатление производит оратория Свиридова. Но я лично поддерживаю мнение, что симфонию Шостаковича <нужно> оставить в списке²⁵.

В конце этого заседания секция исключила из списка оперу “Мать” Хренникова. Голоса разделились. Большинство голосов (4) решили перенести её

на следующий год. Три голоса было за то, чтобы включить её в список. Соловьёв-Седой предложил вынести этот вопрос на Пленум. Шостакович мягко критиковал оперу.

3 апреля состоялось очередное заседание секции, на котором должен был быть согласован список для выноса его на пленарное заседание Комитета. Необходимо было окончательно определиться по количеству выдвигаемых кандидатур и сделать персональный выбор. Вопрос был совсем не простой. Дело в том, что и в остальных секциях было представлено довольно много кандидатур и везде шло горячее обсуждение, порой переходящее в ожесточённые споры. Обсуждение на секции музыки не было исключением. Оно было кратким и носило какой-то агрессивный характер. В выражениях не стеснялись. Страсти были накалены до предела. Да и ставка была высока. Помимо престижа премии, она имела и цену – сто тысяч рублей. Это целое состояние.

На заседании присутствовали все члены секции, отсутствовал высокий гость – замминистра культуры СССР С. В. Кафтанов. В каком стиле шло обсуждение, красноречиво говорит текст стенограммы. Сначала отвели кандидатуру А. Мачавариани. Просто, что называется, зарубили. Причём как-то некрасиво, оскорбительно для почтенного, профессионального композитора.

“Соловьёв-Седой В. П.

– Почему ноги Чабукиани для меня должны быть дороже, чем пальцы Гилельса или Ойстраха?

Хренников Т. Н.

– Мачавариани не оркестровал свой балет. И 35000 руб<лей> уже пошла на оплату оркестратору²⁶.

Шостакович Д. Д.

– 5% похоже на Прокофьева. Музыка не самостоятельна.

Хренников Т. Н.

– Прокофьевский дух там сильно живёт.

Хренников Т. Н.

– Насчёт спектакля разговор будет на Пленуме²⁷. А наша секция должна сказать, что поддерживает кандидатуру одного Шостаковича”.

Увы, не помогли А. Д. Мачавариани ни положительные рецензии в центральных газетах, в том числе и Г. Улановой, ни посещение его балета в Москве королевой Бельгии Елизаветой... И надо отдать должное выдержке Хренникова. Днём раньше не прошла его опера, и Шостакович внёс свой вклад в её “непроходимость”. И вот на следующий день у Хренникова хватило сил смириться и, подобно римскому гладиатору, приветствовать цезаря: “*Ave, Caesar, morituri te salutant*”²⁸. Впрочем, к третьему апреля уже был ясен выбор будущего лауреата от музыки, сделанный наверху, и Хренников, конечно, знал об этом выборе. Надо сказать, что Шостакович был в своих оценках неумолим даже по отношению к своим друзьям. Об этом красноречиво говорит его высказывание о балете А. Хачатуряна в тот день.

“Шостакович Д. Д.:

– Балет “Спартак” не является его творческой удачей”.

И балет в постановке Л. Якобсона забраковали.

Обсуждение подошло к концу. Осталось две кандидатуры. Вот как проходило заключительное голосование по этим двум кандидатурам и какое решение окончательно приняла секция.

“Хренников Т. Н.

– У нас остались две кандидатуры: 11 симфония Шостаковича и Свиридова. Вчера художники показали самоотверженный пример. Есть поэтому предложение оставить в списке одну 11 симфонию, так как вполне достойным кандидатом является Дмитрий Дмитриевич. Если оставим два произведения, голоса могут разделиться.

Капп Э. А.

– Кроме всего прочего, она написана к 40-летию и на революционную тематику.

Тактакишвили О. В.

– Я тоже горячо поддерживаю, чтобы Д. Д. Шостакович получил премию. Конечно, жалко отводить выдающееся произведение Свиридова, но Ленинскую премию надо заработать всей жизнью. Свиридов ещё успеет это сделать.

Хренников Т. Н.

— Следовательно, мы все единодушно поддерживаем кандидатуру Дмитрия Дмитриевича. На этом секция заканчивает свою работу”²⁹.

Казалось, вопрос был ясен, и секция спокойно приготовилась идти на пленарное заседание с окончательным решением. Но там их ждал сюрприз.

Первое пленарное заседание проходило 4 апреля. От секции музыки выступал В. Ф. Кухарский. Цитирую стенограмму:

“Кухарский В. Ф.

— <...> 11 симфония — единственная кандидатура, достойная премии. <...> народный революционный фольклор <...> к 40-летию Октябрьской революции <...> прочно вошла в репертуар <...>

Александров Г. В. — поддерживает кандидатуру 11-й симфонии.

Кухарский В. Ф.

— Маленькое добавление: вернуться к операм “Муса Джалиль” Жиганова и “Мать” Хренникова на будущий год.

Уланова Г. С.

— Как секция относится к Свиридову? Я считаю, что это замечательная вещь!

Кухарский В. Ф.

— Галина Сергеевна, с огромной симпатией и любовью большинство членов секции относится к этому действительно талантливому произведению. Но нам показалось, что, видимо, с кандидатурой Шостаковича в этом году ни одна из кандидатур сравнения не выдерживает, и мы пришли к единодушному мнению, чтобы подчеркнуть, что в музыке 1958 год — это, как сказал в одном выступлении т. Сурков, — это год Одиннадцатой симфонии Шостаковича. Свиридов пишет новое произведение, талантливое и интересное, и нам казалось, что к кандидатуре Свиридова нужно вернуться в будущем году или дальше.

Уланова Г. С.

— Почему другие жанры — эти две оперы — вы перекладываете на будущий год? Эта вещь Свиридова несколько не слабее, даже сильнее этих двух вещей. Это всё-таки самое лучшее, что у нас есть.

Сурков А. А.

— Когда начали исполнять эту вещь Свиридова?

Кухарский В. Ф.

— Два года назад. Я присоединяюсь к вашей хорошей оценке. На предыдущем пленуме мы оставили до будущего года ещё <i> оперу Бабаева “Орлиное гнездо”, чтобы посмотреть, что будет с ней на следующий год. Можно перенести на следующий год и Свиридова.

Уланова Г. С.

— Но ведь опера не будет лучше, если перенесёте?

Кибальников А. П.

— Мы согласились с секцией оставить в списке Шостаковича, поскольку он написал выдающееся произведение. На фоне этого вы предлагаете перенести “Мать”. “Мать” просмотрел народ, а не только мы. У меня складывается странное представление. Если мы перенесём на следующий год и если выйдут ещё выдающиеся произведения, опять на следующий год будем переносить? Мне кажется, если опера существует, её смотрят, нужно выдвигать или сказать, что не заслуживает. Было понятно, когда речь шла о “Поднятой целине” или кинофильме, которых народ ещё не видел. Но оперу “Мать” многие уже посмотрели.

Соловьёв-Седой В. П.

— Разрешите высказать свои мысли, которые я уже высказывал на секции. Каждое драматическое произведение, особенно музыкально-драматическое произведение должно иметь особую форму своего выражения, сценического выражения. Я считаю, как музыкальная поэма Свиридова, так и опера “Мать” — это талантливые произведения, но они не найдены соответствующим сценическим воплощением. Это — камерные произведения. Опера Хренникова “Мать” не является произведением оратора, трибуна, говорящего с большой площади. Это произведение, говорящее лирическим языком, беседующее со зрителем от сердца к сердцу. Оба эти произведения требуют камерной обстановки. Ошибка театральной общественности и композитора была в том, что спектакль состоялся в Большом театре. Большой театр, как известно, это огромная сценическая площадь, где никакое камерное произведение не выживало.

На этой сцене выживают большие произведения огромного масштаба. Если бы опера Хренникова “В бурю” первоначально была поставлена в Большом театре, она не имела бы того успеха, который имела, будучи поставлена на соответствующей сцене, а опера “Тихий Дон” Дзержинского, которая получила сценическую жизнь в Ленинграде в Малом оперном театре, в Большом театре провалилась, так как это произведение в смысле средств выражения — произведение камерное. Точно так же и произведение Свиридова. Я слышал это в исполнении самого Свиридова, когда он сам играл на фортепиано и пел. Я могу подтвердить своей совестью, что это произведение на меня больше впечатление произвело, когда автор сам исполнял. Это произведение отнюдь не ораторское. Стихи Есенина — это стихи, обращённые не к целому народу, а к небольшой аудитории. Они гораздо больше и сильнее звучат в сочетании с музыкой в камерном исполнении. Когда это вышло на большую трибуну, это много потеряло в исполнении. Свиридов нашёл в фортепиано очень интересное изображение колокольного звона, изображённого на рояле. Это была новаторская находка композитора. Когда же этот колокол я услышал, как натуралистический звук в оркестре, эта находка пропала. Ударил нормальный колокол, и ничего я в этом хорошего не услышал. <...>

Уланова Г. С.

— Выходит так, что театрам нужно заниматься тем, чтобы вещи ставились на той площадке, которой они требуют. Тогда нужно заниматься распределением, где что ставится, где что прослушивается. Это не наше дело. Если “Мать” оставляется на будущий год, то и Свиридова нужно оставить на следующий год.

Соловьёв-Седой В. П.

— Как вы себя почувствовали бы, если бы танцевали в “Динамо”?

Уланова Г. С.

— Я танцевала в Лужниках и очень плохо себя чувствовала. Поэтому отказалась. Но ведь моё качество танца и там не пропало.

Сурков А. А.

— Я несколько не понимаю. Допустим, написан роман. Читает его не Сурен Кочарян, а обыкновенный человек. Но впечатление создаётся. Здесь написано музыкальное произведение, которое смотрели знающие люди, в том числе люди, как говорят, умеющие читать с листа. Почему не можем сказать о впечатлении, независимо от того, ставится оно на одной сцене или на десяти сценах?

Тактакишвили О. В.

— Я тоже не согласен с таким подходом, когда объясняют снятие со списка произведения Свиридова недостатками в оркестровом изложении или тем, что это произведение другого жанра. Я считаю, что произведение Свиридова высокоталанливое, полноценное, законченное. Но когда говорим о перенесении оперы Хренникова на следующий год, будем не до конца искренними, если не скажем, что в опере есть недостатки и секция считает возможной доработку и приведение в более хороший вид, а также о том, что новый театр по-новому <её> поставит. Ставить в такие условия произведение Свиридова — неверно, оно более законченное. Но секция рассуждала так, что до последней фазы обсуждения оставались два произведения — “Симфония” Шостаковича и “Оратория” Свиридова. Если снимем второе произведение и второго композитора, это увеличит шансы Дмитрия Дмитриевича, что им вполне заслуженно всей его жизнью и всей деятельностью.

Ермилов В. В.

— Но почему же Вы переносите “Мать”, но не переносите Свиридова?

Тактакишвили О. В.

— Будет неплохо, если перенесём на следующий год и произведение Свиридова.

Ермилов В. В.

— Если отложить, что изменится? Вино изменится, если постоит, а что изменится в музыке? Одно произведение вы оставляете, потому что оно менее целостное, другое не оставляете, потому что оно более целостное. Над первым можно ещё мудрить, а мы должны смотреть, как будете его перекорректировать. Какая это художественная логика и художественная принципиальность?

Серов В. А.

— Это не очень основательно... — почему? Все выступающие товарищи из музыкальной секции говорят, что Шостакович очень хорош и с ним не выдерживают сравнения другие, что, принимая во внимание, что эти товарищи не выдерживают сравнения с Шостаковичем, есть нужда перенести <их> на будущий год. Может быть, на следующий год они выдержат сравнение с более слабыми? Это не логика. Если мы напишем, что откладываем на будущий год, читателю это будет непонятно. Давайте называть вещи своими именами: ну, не тянут эти вещи! Зачем делать излишние пируэты? Для Галины Сергеевны это закономерно — и то на сцене, а нам не по габаритам и незачем этим заниматься.

Кухарский В. Ф.

— Очень хорошо, что наши предложения вызвали такой живой и блестящий остроумный отклик среди членов Комитета. Почему мы так решили? Если говорить о Жиганове (опера “Муса Джалиль”), то члены секции будут настаивать, чтобы его кандидатуру переложить на следующий год. Это очень хорошая опера на труднейшую тему о Мусе Джалиле, в которой композитор нашёл новые формы воплощения современности. Я буду настаивать на этом и прошу проголосовать. Если есть возражения против оперы Хренникова, высказывайтесь. Я остаюсь при убеждении, что её нужно перенести на следующий год, и не считаю правильным изничтожающее отношение к этой опере, которое прозвучало у Владимира Владимировича.

Ермилов В. В.

— Я об опере ничего не сказал. Я говорил, что нельзя ставить так вопрос, что в этом году она менее ценная и поэтому переносим на следующий год. Я ни слова не сказал об опере Хренникова “Мать”.

Кухарский В. Ф.

— Последовательность нашего решения заключается вот в чём. Сколько <раз> нужно было поставить оперу “Война и мир”, чтобы убедиться, что это патриотический спектакль? Только в этом сезоне нашёлся театр, который нашёл форму воплощения этого произведения. Вот живое доказательство, а не беспринципные рассуждения. Причём это Прокофьев, а не Хренников, и нам показалось, что опера настолько сложная и не сразу доходящая до ума и сердца, что мы не поступимся своей совестью, если перенесём эти две кандидатуры и ещё кандидатуру Бабаева³⁰ из Еревана. Если мнение по опере Хренникова отрицательное и члены Комитета считают, что дело ясное, давайте обсудим. Я объяснил точку зрения музыкальной секции. Опера Жиганова поставлена в Казанском театре. Это интересный спектакль, но поставленный в одном театре. Теперь в Москве собираются ставить. Это будет очень интересно. И композитор, и его творение заслуживают того, чтобы к ним вернуться в будущем году.

Кедров М. Н.

— Относительно произведения Свиридова. Я не специалист в музыке, но это произведение слышал. Вы, с одной стороны, указываете, что оно не дотягивает до симфонии Шостаковича. Хотя оно в другом жанре и сравнивать нужно не с симфонией Шостаковича. С другой стороны, указываете, что в секции оно расценивается как завершённая форма, и до последнего момента оно было в списке. Или же приводите такой довод: а вдруг разобьются голоса. Мне кажется, что это не доводы, которые определяют достоинство произведения. Надо сказать прямо, достойно оно или не вытягивает по другим каким-то объективным причинам.

Кухарский В. Ф.

— Почему секция довела это произведение до последнего дня, а потом исключила? Потому что мы решили, что самая весомая во всех отношениях — это кандидатура Шостаковича. Сравнить нужно обязательно. По сравнению с этой кандидатурой, та несколько померкла. Если есть необходимость перенести на следующий год, это можно сделать.

Уланова Г. С.

— Я предлагаю перенести кандидатуру Свиридова на будущий год.

Кафтанов С. В.

— С этим надо согласиться.

Завадский Ю. А.

— Мне непонятно, почему должно быть одно произведение в каждом жанре.

В театре четыре кандидатуры – балет и драматические произведения. Здесь разница в жанрах. Но я считаю, что внутри музыкального искусства не обязательно, чтоб один жанр вычёркивал другой.

Тихонов Н. С.

– Действительно, в театре у нас осталось несколько кандидатур. То, что в музыке одна, это достигнуто путём внутренней работы секции и в результате обмена мнениями. Зачем же нам так увеличивать список, чтобы кандидатуры потом сбивали друг друга.

Завадский Ю. А.

– Но если второе произведение тоже достойно, надо и его оставить в списке.

Васильев С. Д.

– Здесь нет ничего особенного. Может быть год, когда те или иные жанры искусства будут давать великолепные образцы движения вперёд. Почему <мы> не можем это отражать в решении? Если музыка обоих произведений достойна быть выдвинутой на Ленинскую премию, почему нужно снять одно, потому что рядом другое тоже достойное? Почему не можем отметить, что оба достойны?

Тихонов Н. С.

– Дело в том, что они неодинаково достойны.

Сурков А. А.

– Сегодня последнее заседание и нам нужно предельно хранить равновесие душ. Нас часто заносит в сторону. Вы правильно сказали, что вопрос о Шостаковиче – это самый ясный вопрос на повестке дня. Что это есть выдающееся произведение музыки, бесспорное по отношению ко всей музыкальной периферии 1957 г<ода>, и всё было ясно, а потом начались неясности, которые начали вызывать большую дискуссию. Я не специалист, кроме того, поэмы Свиридова я не слышал, но, как говорит секция, которая должна за это совестью отвечать, это произведение, во всех отношениях хорошее, рядом с симфонией Шостаковича не является соревнующимся кандидатом. Но что изменится от перенесения на следующий год? Только то, что м<ожет> б<ыть> в будущем году рядом появится Двенадцатая симфония. Я слышал предложение по разделу музыки остановиться на Одиннадцатой симфонии Шостаковича.

(Голоса: Он остаётся).

Рыльский М. Ф.

– Я бы настаивал, чтобы поставить на голосование два произведения: совершенно бесспорную Одиннадцатую симфонию Шостаковича и бесспорную с моей точки зрения симфоническую поэму Свиридова. Я давно не слышал такой своеобразной, свежей, самобытной музыки, как Поэма Свиридова, причём написанная на близкую нам поэтическую тему.

Сурков А. А.

– Шостаковича не надо голосовать, этот вопрос ясен, а проголосовать, добавляется ли в список симфоническая поэма Свиридова или нет. Если оперы перенесются на следующий год, то голосуйте предложение Галины Сергеевны.

Тихонов Н. С.

– Но поступило предложение Рыльского, чтобы включить <его> в список.

Кибальников А. П.

– Секция изобразительных искусств имела семь кандидатур. Работая в дружном коллективе, взвешивая все требования Ленинского комитета, секция пришла к выводу, что должна отдать должное вполне заслуженной кандидатуре – памятнику Пушкина в Ленинграде работы Аникушина. Секция пришла на Пленум единодушной и имела мужество так и заявить. Но смотря на работу остальных секций, я думаю, что мы могли бы ещё выдвинуть кандидатуру, например, Тулина³¹, который не дотянул, но дотянет. Если музыку, написанную композитором, можно изменить, то у художника такое широкое поле деятельности в этом отношении, он допишет. Меня удивляет несерьёзность работы секции музыки, её немужественность, боязнь обидеть товарищей. Надо набраться мужества и сказать, что из двух композиторов лучший из лучших – такой-то. Если заслуживает премии Шостакович, мы согласны, пусть носит это большое звание.

Кухарский В. Ф.

— Я буду категорически возражать против того, чтобы Жиганова не переносить на будущий год.

Кибальников А. П.

— На основании такой работы я тоже подниму вопрос, чтобы Тулина перенести на следующий год.

Кухарский В. Ф.

— Надо учесть, что опера Жиганова поставлена только в Казани, и её многие не видели.

Тактакишвили О. В.

— Я предлагаю поставить на голосование. Секция предлагает оставить в списке одного Шостаковича.

Тихонов Н. С.

— Кандидатура Шостаковича при всеобщем одобрении остаётся в списке, и с этим будет покончено. Но секция предлагает перенести на будущий год три оперы. Галина Сергеевна предлагает прибавить к ним кандидатуру Свиридова. Давайте проголосуем это предложение.

Соловьёв-Седой В. П.

— А если мы вообще практику переноса на следующий год прекратим? Если мы думаем, что в будущем году какое-то произведение, которое не прошло в этом году, засверкает жизнью, мы его опять выдвинем.

(Голоса: Правильно!)

Тактакишвили О. В.

— Для республик это будет очень плохо.

Тихонов Н. С.

— Почему мы отказались обсуждать “Спартак” в прошлом году? Мы должны были посмотреть, какова будет его судьба. Невольно пришлось перенести.

Соловьёв-Седой В. П.

— Но всё-таки Хачатуряна снова выдвинули в этом году.

Тихонов Н. С.

— Обрубать канаты и говорить, что ничего не переносим, просто нельзя. Роман, который только что вышел и его не читали, приходится переносить.

Кухарский В. Ф.

— Давайте по каждой из этих кандидатур проголосуем, и тогда ясно будет. Если мы переносы прекратим, “Тихий Дон”³² полетит, Довженко³³ полетит. В принципе переносы ликвидировать не нужно, это будет мешать работе.

Ермилов В. В.

— Почему? Мы в будущем году снова будем рассматривать. А так мы превратимся в банк, в закроем, куда всё кладём и кладём, и так закроем напомним, что трудно будет.

Кухарский В. Ф.

— Споры сошлись на одной кандидатуре. Из этого хотят сделать вывод, что нужно совсем отбросить систему переноса. Так нельзя. Масса подобных случаев будет. Хорошо, что мы Довженко оставили. Те представители общественности, которые не согласны с точкой зрения Комитета, подумают, что вот — вернулись. Не делая из этого системы, переносы возможны.

Уланова Г. С.

— Но это законченные спектакли.

Кедров М. Н.

— Исходя из того, что завтра заканчивается наша сессия, здравый смысл подсказывает не усложнять этих вопросов. Иначе начнётся следующий пленум. Пусть будут отложенные кандидатуры. Я предлагаю те кандидатуры, которые намечены к переносу, оставить и в следующем году начать их рассматривать. Принять предложение Галины Сергеевны о переносе на следующий год Свиридова и оставить в списке на голосование Шостаковича. А в начале года мы решим вопрос об отложенных кандидатурах. Как показывает опыт, эти переносы превращаются в совершенно лёгкое отведение данной кандидатуры. (Оживление).

Ибрагимов М. А.

— Я понимаю Кедрова. Владимир Владимирович, когда мы обсуждали “Тихий Дон”, вы резонно сказали, что там масса проблем, которые требуют обдумывания. И эти оперы — то же самое: мы не успели их как следует рассмотреть и обдумать. Я предлагаю все три кандидатуры перенести на будущий

год и оставить в списке на голосование одну Одиннадцатую симфонию Шостаковича.

Вагаршян В. Б.

— Произведение, которое нам известно, можем совсем отклонить или принять. Которое не известно, которое мы не видели — надо перенести, чтобы мы имели возможность с ним ознакомиться. Произведение Свиридова все слушали, поэтому можем обсуждать.

Тихонов Н. С.

— Предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы оперу Жиганова “Джалиль” перенести на следующий год, прошу поднять руки. (27 человек). Кто против? (нет). Переносится.

Кто за то, чтобы оперу “Мать” Хренникова перенести на следующий год, прошу поднять руки (поднимают 19 человек). Кто против? (9 человек). Переносится.

Кто за то, чтобы оперу Бабаева “Орлиное гнездо” перенести на будущий год? (За — 21). Кто против (нет). Переносится на будущий год.

Кто за то, чтобы произведение Свиридова “Памяти Сергея Есенина” перенести на следующий год? (25). Кто против (2). Переносится”³⁴.

На этом история хождения по мукам Поэмы памяти Сергея Есенина не закончилась. 4 сентября в газете “Правда” появилась информация из Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства о том, что Комитет продолжает приём работ на премию 1959 года и что приём будет продолжаться до 31 декабря³⁵. Вопрос о выдвижении кандидатов в СК СССР решался в декабре. 9 декабря этот вопрос был вынесен на заседание Секретариата СК СССР.

Привожу протокол заседания Секретариата 9 декабря 1958 года:

“Присутствуют: Хренников Т. Н., Кабалевский Д. Б., Хачатурян А. И., Тактакишвили О. В., Шапорин Ю. А., Новиков А. Г., Аксюк С. В., Заринь М. О., Данкевич К. Ф., Солодухо Я. С., Фере В. Г., Восканян Г. И., Богословский Н. В.

Слушали:

2. О выдвижении кандидатов на соискание Ленинских премий за 1958 г.

Постановили:

Выдвинуть кандидатами на соискание Ленинских премий Хачатуряна Арама Ильича за музыку балета “Спартак” и Соловьёва-Седого Василия Павловича за песни последних лет: “Подмосковные вечера”, “Если бы парни всей земли” и “В путь”.

Первый секретарь

Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников

И. о. Секретаря Правления СК СССР Я. Солодухо”³⁶.

Решение секретариата было послано в Комитет по Ленинским премиям. Но оттуда пришло письмо с возражением. Секретариату Союза композиторов напомнили о решении Комитета о переносе на конкурс 1959 года кандидатуру предыдущего года. И тут Хренников делает своеобразный демарш. Он снимает свою кандидатуру. Трудно сказать, что побудило его сделать такой шаг. Осознание собственной неудачи с оперой? Неприятие её со стороны музыкальной общественности, со стороны публики? Или, быть может, равнодушие к опере со стороны высшего партийного руководства?

Оперу действительно критиковали, появились даже частушки по поводу матерных слов и хреновой музыки. Шли споры и в Союзе композиторов. Уже в апрельском номере журнала “Советская музыка” за 1958 год в осторожной форме под видом критики оперной комиссии было отмечено, что “интересные и острые, но, к сожалению, большей частью только кулуарные споры ведутся вокруг опер “Мать” Т. Хренникова, “Война и мир” и “Семён Котко” С. Прокофьева, оперетты “Весна идёт” Д. Кабалевского и ряда других произведений. Каждое из них даёт повод для постановки важных и актуальных проблем музыкальной драматургии, однако оперная комиссия ССК, призванная возглавлять дискуссию, стать трибуной для обмена мнениями, стоит почему-то в стороне от обсуждения этих животрепещущих вопросов”³⁷.

Так или иначе, но Хренников, наступил на горло собственной песне. Опять цитирую архивный документ:

“Протокол заседания Секретариата Союза композиторов СССР от 29 декабря 1958 г.

Присутствовали: Хренников Т., Хачатурян А., Аксюк С., Солодухо Я., Шапорин Ю., Пейко Н., Новиков А., Восканян Г., Чайковский Б., Хачатурян К., Щедрин Р., Головинский Г., Зив С., Нариманидзе Н., Данилевич Л., Лившиц А.

Слушали:

4. О выдвижении кандидатур на получение Ленинской премии.

г. **Хренников Т.** — Мы получили письмо от Ленинского комитета (читает). Я хочу сделать заявление, что я снимаю свою оперу с обсуждения. Прошу считать это моим окончательным решением и этот вопрос больше не рассматривать.

Теперь мы должны решить в отношении Жиганова “Джалиль” и Свиридова оратории и подумать, что мы выдвигаем.

Что мы выдвигаем и оставляем ли эти две кандидатуры Жиганова и Свиридова?

Относительно Жиганова есть такое предложение: в следующем сезоне его опера пойдёт в Большом театре на русском языке. Может быть, отложить этот вопрос до того, как пойдёт его опера на русском языке в Большом театре? (Согласны).

Свиридов сейчас написал более современное произведение, чем “Памяти Есенина”. Может быть, не стоит подтверждать к выдвижению это произведение? У него есть оратория, написанная с революционным порывом³⁸. Может быть, не стоит это произведение выдвигать на Ленинскую премию? Мы должны это сделать до 1/1-59 г.

г. **Хачатурян А.** — Если есть интересное произведение, то надо с ним познакомиться.

г. **Хренников Т.** — Ленинской премией, как подсказала за эти 2 года практика работы, Ленинский комитет, по-видимому, предполагает увенчивать один раз в жизни. И мне кажется, может быть, рано это делать в данном случае.

Значит, в отношении Жиганова — принято.

В отношении Свиридова — если написана вторая крупная оратория, надо подождать, может быть, мы выдвинем <его> через 1-2 года за ряд произведений. Но надо иметь такой высокий уровень, какой продемонстрировал Ленинский комитет, присуждая премии. Это были Прокофьев и Шостакович. Надо держаться, как установлено, такого уровня, как 7 симфония Прокофьева и 11 симфония Шостаковича.

Является ли это произведение действительно таким уровнем?

У меня есть предложение. Я, например, считаю, что мы должны выдвигать, как выдающуюся музыку, балет А. И. Хачатуряна “Спартак”.

Я лично очень высоко расцениваю это сочинение и считаю, что он достоин выдвижения на Ленинскую премию, не спектакль, а музыка. Тогда выдвигался ленинградский спектакль. Сейчас прошёл спектакль в Москве. По-видимому, этот спектакль будет переделываться, будут вноситься коррективы. Но музыка остаётся такой, какой её сочинил А. И. Хачатурян. Отдельно музыка не выдвигалась. Я считаю, что это является выдающимся достижением не только А. И. Хачатуряна, но и всей нашей советской музыки, потому что музыка говорит сама за себя.

Можно было бы что ещё выдвинуть? Мы всё время придерживаемся крупных жанров. Можно поставить на обсуждение кандидатуру Соловьёва-Седого, потому что Ленинские премии предполагают не только крупные формы. Такой популярности, какая существует у песен Соловьёва-Седого, ни у кого нет.

г. **Солодухо Я.** — В частности на выставке в Брюсселе его песня пользовалась необыкновенной популярностью.

г. **Хренников Т.** — Ленинская премия увенчивает творца за какой-то большой кусок жизни и творчества. Иначе и нельзя это рассматривать. Кто хочет высказаться по этому поводу?

г. **Аксюк С.** — По поводу Жиганова я согласен, что это нам нужно будет решить после постановки в ГАБТе и так, может быть, это и обнародовать.

Что касается Свиридова, то “Маяковский” будет через месяц, это будет уже поздно. Мне кажется, что по совокупности ряда крупных ораторий у нас будет больше оснований ставить его кандидатуру в будущем году.

Я очень поддерживаю кандидатуру В. П. Соловьёва-Седого. Ленинская премия за массовые жанры будет очень привлекательной и примечательной. Это может стимулировать композиторов к написанию массовых жанров. Кроме того, это автор, поработавший великолепно в области песни и добившийся очень ощутимых реальных результатов. И как ни расценивать его творчество, оно достойно именно этой высшей награды.

Что касается “Спартак”. Насколько мне известно, обсуждали спектакль и не нашли возможным его выдвинуть, потому что и сценарий, и в смысле постановки он был неудовлетворительным.

т. **Хренников Т.** — Тогда решили, что подождём московской постановки. Но она не улучшила положения. Но музыка осталась музыкой.

т. **Аксюк С.** — Балет — это всё-таки представление, и <он> не живёт вне режиссуры, либретто и постановки. Музыка великолепная. Я, скорее, поддержал бы, чем не поддержал, но у меня сомнение: если мы предлагаем только музыку к премии, будет немножко странно.

т. **Солодухо Я.** — Я поддерживаю оба твои предложения и считаю нужным зафиксировать так: ...мы выдвигаем Соловьёва-Седого за выдающиеся достижения в области песни. Нам известна популярность, которую приобрели его, в особенности последние песни. И Хачатуряна — за музыку балета “Спартак”. Дело в том, что в истории присуждения премий мы знаем не один пример присуждения премий спектаклю без музыки и наоборот: были случаи, когда композитор получал <премию>, так что в принципе такое отделение возможно. Если мы считаем, что музыка этого балета достойна, надо оставить этот балет — как за музыку к балету “Спартак”. Кроме того, я считал нужным так сформулировать, чтобы вопрос о “Мусе Джалиле” и Свиридове отложить до следующей сессии.

т. **Хренников Т.** — Мы сообщим об этом Ленинскому комитету.

т. **Чайковский Б.** — Выдвинуть музыку к балету “Спартак” было бы очень хорошо, именно отдельно музыку. Очень часто балетная музыка живёт самостоятельно. Кроме того, мне показалось, что в отношении Свиридова нет веских оснований, чтобы его не подтвердить. Можно, конечно, говорить так, что он, может быть, напишет лучшее произведение, но это произведение уже получило какой-то большой и положительный, по-моему, резонанс, так что снять или не подтвердить — это не так обоснованно.

т. **Пейко Н.** — Мне тоже кажется, что балет “Спартак” Хачатуряна — действительно выдающееся музыкальное явление <в> жизни советской музыки. Я целиком поддерживаю мнение, что его надо выдвинуть. То же самое в отношении Соловьёва-Седого. Он очень много сделал в области песни. И, как вы говорите, такая премия увенчивает большой творческий путь. Поэтому, безусловно, Соловьёв-Седой достоин, чтобы его путь увенчать.

В отношении Свиридова — мне кажется поставить это сочинение стоит потому, что оно имеет все основания, оно получило очень большое признание, не говорю о том, что это удивительно яркая музыка, самобытная и в то же время простая музыка. Удивительным образом найдено сочетание предельной простоты, огромной глубины и самобытности. К тому же это произведение большого, широкого общественного смысла. А это довольно редкое явление в ораториальном жанре. Оратория получила очень большую популярность. Так что вне зависимости, хорошая или плохая будет оратория “Маяковский”, нет никакого основания отводить ораторию Юрия Васильевича или дожидаться ещё каких-нибудь <его> сочинений. Тут есть один момент, что Юрий Васильевич сравнительно мало написал музыки. Зато это сочинение по-настоящему выдающееся.

т. **Чайковский Б.** — У нас мало мотивов, чтобы отводить эту вещь, потому что она прозвучала очень ярко, и это было крупнейшим музыкальным событием. Вряд ли можно ждать, какие у него получатся следующие произведения и так гадать на этом основании, и на этом основании отводить хорошее произведение.

т. **Щедрин Р.** — Выдвигалась ли опера “Декабристы” на Ленинскую премию?

т. **Хренников Т.** — Она давно написана. Статут Ленинских премий предполагает произведения, сейчас написанные, в последние годы. Если мы будем вспоминать из прошлого, мы можем набрать несколько сочинений.

т. **Шапорин Ю.** — Здесь все увеличивается количество кандидатов на получение премии. Каждый новый кандидат затрудняет работу Ленинского комитета. Две кандидатуры я считаю очень существенными и ценными — Хачатурян и Соловьёв-Седой.

Что касается Свиридова, я готов присоединиться к тем, кто думает, что, может быть, в следующем сочинении он покажет более высокий класс. Тем более, что и по возрасту эти две кандидатуры очень подходят.

т. **Головинский Г.** — В отношении Свиридова. Всё-таки это произведение исполнялось много раз после своего создания и с каждым разом все с большим успехом. Оно уже приобрело очень много почитателей среди слушателей в Москве. Так что можно говорить о признании этого произведения. Это очень важный критерий.

т. **Новиков А.** — Я слушал доводы в пользу Свиридова. Они вряд ли убедительны. Популярное сочинение, принимали хорошо и т. д. Но товарищи забывают, что это премия не Нобелевская, а Ленинская премия, и надо рассматривать вопрос в свете того, где мы живём и что делается кругом, в свете современных событий политического характера, нацеливать композиторов на сочинение другого типа сочинений. Это сочинение не очень весит. Согласитесь сами, что Есенин и Маяковский — это разные вещи. Это сочинение, очевидно, будет поддержано Ленинским комитетом. Тут ещё можно подождать. Он ещё в творческом росте. Он работает, увидел много интересного, так что у него ещё есть перспективы в ближайшие годы ещё что-то показать. И он стремится быть более современным. Недаром он от Есенина переходит к Маяковскому. Он — человек толковый. И есть основания подождать с этой кандидатурой и не затруднять Ленинский комитет большим количеством кандидатур.

Что касается Соловьёва-Седого, об этом я уже говорил прошлый раз. Конечно, у композитора будут симфонии, оратории и другие жанры. А вот как раз такой случай сейчас, когда есть повод рассматривать кандидатуру Соловьёва-Седого и в песенном жанре. Мне хочется, чтобы правильно другие композиторы, наша молодёжь расценили, что произойдёт после присуждения премии Соловьёву-Седому. Надо правильно понять. Учитывается всё его творчество, с различным его творческим багажом и направленностью. Тогда это будет правильно. Я целиком за эту кандидатуру.

В отношении “Спартак” я воздерживаюсь. Не знаю, можно ли отдельно выделять музыку.

т. **Щедрин Р.** — Я поддерживаю основные мысли, которые здесь высказывались в отношении Хачатуряна и Соловьёва-Седого.

т. **Хренников Т.** — Мы все очень любим творчество Свиридова. Но в то же время, если положить на весы музыку “Спартак”, она играет во всём мире и живёт вне спектакля. Возьмите “Гаяне” — все знают её как симфоническую музыку, во всём мире. Это великолепнейшая музыка. “Спартак” — музыка эта тоже стала достоянием всего мира. В театрах он идёт ещё мало, но как составная часть концертной программы он исполняется во всём мире. И разве можно сравнивать популярность “Спартак” и оратории Свиридова? Разве можно сравнивать популярность Соловьёва-Седого и Свиридова? Свиридов — талантливый композитор, работающий в правильном направлении. Мы все любим его музыку. Но это явление не стало таким широким. Поэтому, предложение, чтобы подождать, тем более, у него есть время — правильное. А здесь люди, у которых за плечами огромный творческий путь. Соловьёв-Седой — это эпоха советской песни. И какое количество песенных шедевров написал Соловьёв-Седой! Надо же быть честным и признать, что это — явление выдающееся. Так что, если сопоставлять все эти фигуры, то всем будет всё ясно. И надо показать, что Ленинская премия — это не только высшее достижение в симфонизме, но это высшее достижение в самом демократическом жанре — песенном жанре.

Поэтому очень логично мы приходим к одной и другой кандидатуре. Свиридов талантливый, он должен ещё подождать, потому что Ленинская премия — это очень серьёзная вещь. Я высоко оцениваю произведение Свиридова, но оратория “Памяти Есенина” не может претендовать <на Ленинскую премию>.

т. **Пейко Н.** — Конечно, композитор, претендующий на Ленинскую премию, должен быть достаточно маститым и с собранием сочинений.

т. **Чайковский Б.** — Но тогда это может нас отвести от сочинения. Правда, надо сказать, что многие сочинения Свиридова популярны.

т. **Хренников Т.** — Посмотрите правде в глаза. К сожалению, Свиридова мало знают в народе. Особенно несоизмеримые вещи — Соловьёв-Седой и Свиридов. Свиридов — это ясно для нас, но ещё не так, чтобы присуждать Ленинскую премию.

т. **Чайковский Б.** — Но мы только рекомендуем. Если это ясно для нас — мы можем рекомендовать.

т. **Хренников Т.** — Специальное было разъяснение Ленинского комитета строже подходить <к выбору кандидатур> и учитывать многие обстоятельства. Мы сейчас проголосуем, но мне кажется, что т. Пейко сейчас понял. В лучшем случае, музыке может быть одно место, так что, если мы выдвинем двух, то будет борьба между двумя композиторами, а если мы ещё добавим, это нереально. Давайте голосовать. Кто за то, чтобы выдвинуть кандидатуру Соловьёва-Седого? Прошу поднять руки. (Единогласно).

Кто за то, чтобы выдвинуть Хачатуряна за музыку “Спартак”? Прошу поднять руки (Большинство).

Кто за то, чтобы пока воздержаться от выдвижения т. Свиридова? Прошу поднять руки. (6 голосов). Кто за то, чтобы подтвердить Свиридова? (Меньшинство, 3 голоса).

С этим вопросом все”³⁹.

Затем, как и положено, были составлены соответствующие документы и направлены в Комитет по Ленинским премиям. Привожу выписку из протокола заседания Секретариата СК СССР 29 декабря, хранящуюся в фонде Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

№№ Пп.	Кандидат, название работы, кем выдвинут	Результат рассмотрения кандидатуры Комитетом по Ленинским премиям
	Свиридов Г. В. "Памяти Сергея Есенина", вокально-симфоническая поэма. Выдвинута Союзом композиторов СССР	Кандидатура перенесена с сессии 1958 года. Союз композиторов довел до сведения Комитета о своём отказе от повторного выдвижения на соискание Ленинской премии вокально-симфонической поэмы "Памяти Сергея Есенина"

м. 3 от 31/ХІІ-1958 г.

Копия.

Выписка из протокола заседания Секретариата Союза композиторов СССР. 29 декабря 1958 г.

Слушали:

О выдвижении кандидатов на соискание Ленинских премий.

Постановили:

Выдвинуть кандидатами на соискание Ленинских премий следующие произведения:

— музыку балета “Спартак” А. И. Хачатуряна;

— песни “Подмосковные вечера” и “Если бы парни всего мира” (sic!) с учётом всего песенного творчества В. П. Соловьёва-Седого.

Считать целесообразным отложить обсуждение оперы “Джалиль” Н. Г. Жиганова до постановки в ГАБТе в 1959 г.

Воздержаться от выдвижения на соискание Ленинской премии оратории “Памяти Сергея Есенина” Ю. В. Свиридова.

Принять к сведению, что Т. Н. Хренников отводит свою оперу “Мать” как кандидата на соискание Ленинской премии.

П. п. Первый секретарь Союза композиторов СССР — Т. Хренников Секретарь Правления СК СССР — Я. Солодухо”⁴⁰.

22 апреля 1958 года все центральные газеты опубликовали списки лауреатов Ленинской премии 1958 года, сопроводив их статьями. В “Правде” о лауреатах написал глава Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства поэт Н. С. Тихонов. Об Одиннадцатой симфонии Шостаковича он заметил, в частности: “Сейчас, после появления симфонии “1905 год”, особенно отчётливо видно, насколько тема русской революции органична для Шостаковича, насколько богата творческая предыстория нового замечательного творения композитора”. Вспомнил Десять хоровых поэм, фильмы “Великий гражданин” и “Человек с ружьем”, кинотрилогию о Максиме⁴¹.

“Известия” ограничились только официальным сообщением “О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся достижения в области искусства...”⁴².

“Советская культура” дала статью А. Хачатуряна почему-то не 22-го, а 24-го апреля⁴³. Кто знает, может, Хачатурян, зная отношение к его балету Шостаковича, был обижен на своего старого товарища, коллегу, и редакции газеты пришлось долго его уговаривать...

В тот же день газета “Правда” в рубрике “Письма в редакцию” поместила коллективное письмо рабочих и инженеров одного завода, в котором они выразили своё возмущение тем, что по поводу произведений, выдвинутых на Ленинскую премию, ничего не известно общественности, народу, что о них ничего не пишут, и выражено сожаление, что премию не получили понравившиеся пишущим кинофильм и роман.

На это письмо ответил Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства. Ответил не очень внятно, смысл ответа заключался в том, что комитет отбирает... лучшие произведения. (Кто ж в этом сомневался?) И, в частности, привёл в пример Одиннадцатую симфонию: “Величественным гимном первой русской революции 1905 года прозвучала Одиннадцатая симфония Д. Шостаковича, удостоенная Ленинской премии. Композитор создал высокохудожественное произведение, близкое и понятное народу”⁴⁴.

На присуждение откликнулся и Г. В. Свиридов. Он пишет две рецензии. Одну — известную — опубликовала газета “Вечерняя Москва” 22 апреля.

Вторую рецензию до сих пор знали только несколько человек, да и тех уже нет в живых. Тем не менее, эта рецензия сохранилась в личном архиве Г. В. Свиридова на имя Ю. В. Келдыша⁴⁵. Эта рецензия отнюдь не предназначалась для публикации и представляла собой отзыв на статью Ю. А. Кремлёва об Одиннадцатой симфонии Шостаковича⁴⁶.

Такого рода “чёрные” рецензии, как известно, пишутся по просьбе редакции. Вообще-то Келдыш поддерживал Кремлёва, выступал в его защиту на Втором съезде композиторов. Вероятно, он всё же решил сам проявить осторожность, а может быть, вышестоящие инстанции ему подсказали. Почему выбор пал на Свиридова? Вполне возможно, что это была просьба самого Шостаковича. Но может быть и иное объяснение. О близких дружеских отношениях между Шостаковичем и Свиридовым в это время было широко известно, в том числе, конечно, и в редакции журнала “Советская музыка”.

Нетрудно догадаться, что статья известного музыковеда, отличавшегося консервативными вкусами, была критической. Статья писалась по горячим следам премьер Одиннадцатой и оперы “Мать”, и автор отдаёт предпочтение опере. Надо сказать, что при всей его зашоренности на официозе, Кремлёву нельзя отказать в наблюдательности и меткости в некоторых его оценках. В 1957 году никто ещё из музыкантов не заметил, что герои произведений Д. Шостаковича — “постоянно слабые люди; однако, именно своей слабостью и неприкаянностью, своими смятенными, нестройными переживаниями они способны вызывать сочувствие многих слушателей”⁴⁷, никто ещё не писал об Одиннадцатой, что основой её образов оказывается “отнюдь не могучий, благотворный, преобразующий общество дух революции, но её жертвенные, ужасные и трагические стороны. Не восстания, не деятельность революционеров 1905 г. лежат в основе замысла Одиннадцатой симфонии, а 9-е января, ужас и сострадание по поводу крови невинных. Это придаёт всей идейно-образной концепции Одиннадцатой симфонии характерный страдальческий оттенок...” Он отмечает мастерство Шостаковича, обращая внимание на то, как композитор “виртуозно владеет динамикой и красками оркестра”. Кремлёв приветствует попытку Шостаковича “построить всё музыкальное здание на основе тем революционных песен”.

Он констатирует успех симфонии, одобряет обращение композитора к революционной теме, к песне. Любопытно, по-своему интерпретирует трагедийность творчества Шостаковича, видя в нём отражение “неврозов современности”. Но, в конечном итоге, всё же отказывает Шостаковичу в глубокой правде, которую Кремлёв видел в “историческом оптимизме”: “Дело в том, что “трагедийность” Д. Шостаковича вовсе не отражает объективное состояние действительности и её развитие. Она отражает лишь некоторые невроты современности и отражает, в меру частного их значения, правдиво.

Тяжелейшие испытания и жертвы минувшей Отечественной войны, а ныне состояние международной напряжённости, чреватой атомными угрозами, – вот важнейшие источники неврозов, тревоги, смятения и проч., которые питают “трагедийность” Д. Шостаковича.

Между тем, мы знаем много явлений советского искусства и зарубежного прогрессивного искусства, которые свободны от подобных неврозов”.

И среди “новейших явлений советской музыки” в качестве примеров он привёл оперы “Мать” Хренникова и “Джалиль” Жиганова.

В той ситуации, когда впереди ожидалось нешуточные сражения в Комитете по Ленинским премиям, Свиридов занял чёткую позицию, встав на защиту Д. Шостаковича. Так как его рецензия неизвестна, то привожу её целиком:

“Я ознакомился со статьей Ю. Кремлёва об 11-й симфонии Шостаковича. Многие положения этой статьи представляются мне субъективными и бездоказательными. При уважительном отношении к труду композиторов Жиганова и Хренникова, я категорически возражаю против того, чтобы их сочинения выставлялись в качестве “эталона” советской музыки в противовес сочинениям других авторов. Противопоставление творчества советских композиторов друг другу считаю явлением нездоровым и вредным, мешающим созданию нормальной творческой атмосферы в нашей среде. Считаю недопустимым публикацию этой статьи в журнале. Статья требует серьёзного обсуждения на редколлегии. Г. Свиридов”.

Пройдёт много лет, не станет Д. Д. Шостаковича, многое изменится в жизни страны, в культуре. Автор Курских песен придёт к своему замыслу “литургической музыки”, в конце жизненного пути у него возникнет намерение написать грандиозную православную ораторию “Из литургической поэзии”, ей он посвятит последнее десятилетие своей жизни и завершит свой путь, успев довести до конца лишь часть этого замысла, приготовив к изданию хоровой цикл “Песнопения и молитвы”⁴⁸.

В его сознании окончательно вызреет мысль о важности такого критерия в искусстве, как народность. Он хорошо помнил, как эта важная для русской литературы и искусства категория была протипуирована в эпоху “ждановщины”, он видел, с каким презрением к этому понятию относилась фрондирующая советская интеллигенция после смерти Сталина. Но для Свиридова это обретшее большое значение в пушкинскую эпоху понятие, пришедшее из немецкой романтической эстетики, не утратило своей силы. И он, исходя уже из сложившихся в зрелые годы критериев и много размышляя над серьёзнейшими проблемами творчества, запишет в своей тетради 1987 года следующее размышление о Шостаковиче:

“Ни один композитор в истории не насаждался так, как насаждался при жизни Шостакович. Вся мощь государственной пропаганды была направлена на то, чтобы объявить этого композитора величайшим музыкантом всех времён и народов. Надо сказать, что и музыкальная среда охотно поддерживала эту легенду. Он был, в полном смысле слова, государственным композитором, откликавшимся на все важные события общественной и политической жизни не только своими бесчисленными статьями, но и бесконечными сочинениями: от симфоний, ораторий до танцев, песен, песенок и т. д. И, несмотря на это насаждение государственным и “квадратно-гнездовым” способом, народным художником он так и не стал ни в своих ремесленных поделках, ни в своих музыкально-философских концепциях, хотя, при всём при том, по отборе от него останется много хорошей, а иногда и прекрасной музыки. Но народность, в том смысле, в каком её понимали Глинка, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Рахманинов, – это какое-то другое дело. Какая-то особая (высшая, может быть) форма искусства.

“Способность быть народным – это особый талант и очень редкий”.
Белинский”⁴⁹.

При всём обилии книг и статей, биография Шостаковича до сих пор содержит много тайн и по существу всерьёз не написана. Жизнь его отнюдь не была сплошным праздником или, наоборот, мучением. В сравнении с биографиями Есенина или Маяковского, Цветаевой или Ахматовой, Булгакова или Зощенко, не говоря уже о Ключеве или Мандельштаме, Шостакович прожил относительно благополучно. Какой-то сочувствующий ему рок хранил его, выручал в, казалось бы, безнадёжных ситуациях. Трудно себе представить, как можно было после вызовов в печально известный в Ленинграде “Большой дом” (да ещё по делу маршала М. Тухачевского!) попасть из него не в лагерь, а в... Ленинградскую консерваторию, да ещё и профессором. Или получить на следующий год после обвинения в формализме в 1948 году очередную Сталинскую премию.

Конечно, ему пришлось верой и правдой служить власти. В основательной музыкальной репрезентации советского государства Шостаковичу принадлежит один из ведущих голосов. И власть отдавала должное композитору. Такое бывало в разные времена и с разными творцами. Можно вспомнить, к примеру, Гойю, писавшего портреты именитых испанских грандов и членов королевской семьи, за что он заработал звание “первый живописец короля”, и в тоже время написавшего свой страшный фантазмагорический цикл *Капричос*. Так что слова Свиридова о том, что Шостакович был государственным композитором, при всей их небеспристрастности, всё же были не так далеки от истины. Но главное даже не в этом, а в том, что по отношению к характеристике творчества Шостаковича действительно как-то трудно приложимо такое понятие, как народность. В его высшем, пушкинском понимании.

В упоминавшемся выше труде Юргена Хабермаса “Структурное изменение публичной сферы” есть важное для его концепции понятие “публичное резонёрство”. Немецкого философа и социолога интересует, в первую очередь, распространение его на экономические и политические диспуты, хотя он отмечает, что резонёрство изначально разгоралось “от произведений искусства и литературы”⁵⁰. В условиях сталинского режима политическое, да, впрочем, и всякое иное публичное резонёрство было практически невозможно. Правда, начиная с хрущёвской “оттепели”, постепенно возникала особая, потайная публичная сфера, к примеру, в виде “самиздата”. Но с давних времён существовала иная, очень важная для понимания русской культуры сфера, которая не отмечена Хабермасом, но хорошо знакома нам по русской литературе, она имеет коренное название – “народная молва”. Молва может быть справедливой или крайне несправедливой, может вознести и Гришку Отрепьева на царский престол, а может проявить крайнее безразличие к расстрелу царской семьи в доме Ипатьева. Народ выражал и своё отношение к искусству.

Любительские суждения об искусстве сопровождали и первые конкурсы на соискание Ленинской премии. В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Комитета по Ленинским премиям хранится папка с письмами-отзывами о кандидатурах, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1958 года. В том числе и по музыке. Эти отзывы различны, есть и просто ругательные, есть и хвалебные. Коллективные и одиночные. Подписанные и неподписанные. Принадлежащие людям разного возраста и социального происхождения. Обстоятельные и краткие. Отзывы получили не все кандидаты. Но из тех, кто в какой-то степени оставил равнодушным общественность, наибольшее количество получили Хренников, Свиридов и Шостакович. Наиболее откровенные, хотя порой и наивные отзывы принадлежат людям, мягко говоря, невысокого культурного уровня. Привожу один такой характерный отзыв об Одиннадцатой симфонии:

“Шостакович Д. Д. – Одиннадцатая симфония “1905 год”. Каждый год его произведения выдвигаются на премию “знатоками музыки”. Народ же его музыке не только не любит, но удивляется, что в ней находят специалисты.

27/III-58 г.

Подпись неразборчива”⁵¹.

А вот отзыв человека из провинции о Поэме памяти Сергея Есенина:

“Вх. № 118 от 19/II-58 г.

В Комитет по Ленинским премиям.

По вашей просьбе, опубликованной в “Известиях” от 15 февраля, шлю вам, дорогие товарищи, своё мнение о выдвинутых кандидатурах. Мои исходные позиции: я считаю, что Ленинская премия должна присваиваться за работы, затрагивающие и блестящие, решающие задачи, определяющие основные судьбы нашей Родины.

В этом свете я считаю необходимым присвоить Ленинские премии:

А). В области литературы

1. Стельмах М. А. “Кровь людская – не водица”

Б). В области музыки

1. Свиридову Г. В. Памяти Сергея Есенина – **из уважения к душе русского народа (а не просто к поэту Есенину и связанной с ним музыки)** /выделено мной. – А. Б./

В). В области изобразительных искусств

1. Девятову М. М. – за “Октябрьский ветер”

Г). В области театрального искусства

1. Завадскому Ю. А. и Новикову Б. К. – за “Дали неоглядные”.

Д). В области кино

1. Зархи А. Г., Рыбникову Н. Н. – за кинофильм “Высота”

15/II-58 г. Инженер В. Степанов

Томилино, М.-Рязанской ж. д. Улица Гаршина, дом 20, кв. 2”⁵².

В одной из тетрадей Разных записей у Свиридова о Поэме можно прочитать следующее: “Первая моя осознанно Русская вещь была Поэма памяти Сергея Есенина. Здесь **Россия** стала темой для творчества”⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой театр и театр им. С. М. Кирова вошли в лонг-лист конкурса на Ленинскую премию с другими спектаклями. Поэтому был выбран Нижегородский театр.

² РГАЛИ. Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1468. Стенограмма общего собрания московских композиторов и музыковедов 22 января 1958 года. На 106 листах. – Л. 7-8.

³ “Советская музыка”. – 1958. – Январь. – № 1. – С. 4.

⁴ Нестьев И. Заметки о современной теме в музыке // “Советская музыка”. – 1958. – Январь. – № 1. – С. 17.

⁵ Обе эти постановки были выдвинуты на соискание Ленинской премии 1958 года.

⁶ “В Болгарии с огромным успехом проходят авторские концерты народного артиста СССР композитора Д. Шостаковича. Одновременно в ряде городов выступат советский квартет имени Бетховена, так же исполняющий произведения прославленного советского композитора”.

⁷ Шостакович Д. “Поэма памяти Сергея Есенина”. – Вечерняя Москва. – 1956. – 14 июня.

⁸ Цит. по рукописи-автографу рецензии. Текст, отредактированный в газете, был немного изменён: “Поэму памяти Сергея Есенина” можно смело назвать гордостью советской музыки”. Факсимиле рецензии и текст её в газетном варианте приводится в следующем издании: Книга о Свиридове: Размышления, высказывания, статьи, заметки / Сост. А. Золотов. – М.: Советский композитор. 1983. – С. 12-13, с. 15.

⁹ Сокольский М. Поэты и композитор: Заметка о вокальных циклах Свиридова // Литературная газета. – 1956. – 23 августа. – № 100. – С. 2.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 100. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Премия 1958 года. Секция музыки. Дело № 3. Личные дела кандидатов, окончательное рассмотрение которых перенесено на сессию 1959 года. 1958 год. На 69 л. – Л. 45.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 100. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Премия 1958 года. Секция музыки. Дело № 3. Л. 51.

- ¹² К 3 12/6с (Постановление подготовлено: Д. А. Поликарповым, Е. А. Фурцевой, М. А. Сусловым, принято: М. А. Сусловым, Е. А. Фурцевой). Идеологическая комиссия ЦК КПСС. 1958–1964. Документы / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани (отв. ред.), Л. А. Величанская, З. К. Водопьянова, Е. В. Кочубей. – М.: РОССПЭН, 1998 (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы. Ред. коллегия К. Аймермахер (гл. ред.), В. Ю. Афиани, Д. Байрау, Б. Бонвег, Н. Г. Томила). – С. 61–62.
- ¹³ Записка отдела пропаганды и агитации и культуры ЦК КПСС. 27 мая. Цит. по изданию: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 62.
- ¹⁴ Субботин С. И. Чему свидетели мы были. Цит. по изданию: Георгий Свиридов в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. Б. Вульф; Авт. предисл. В. Г. Распутин. – М.: Молодая гвардия. 2006. – С. 287.
- ¹⁵ Хучуа П. “Вдохновенное искусство”. // “Правда”. – 1958. – 26 января. – № 26. – С. 6.
- ¹⁶ Медведев А. Поступь большого искусства. Премьера балета “Отелло” в Тбилисском театре оперы и балета им. З. Палиашвили. // “Советская культура”. – 1958. – 4 февраля. – № 14. – С. 2–3.
- ¹⁷ Игнатьева М. В одном жанре – разными путями. // “Советская культура”. – 1958. – 1 февраля. – № 14. – С. 3.
- ¹⁸ Бергер Л. В новом исполнении. // “Советская культура”. – 1958. – 30 января. – № 13. – С. 3.
- ¹⁹ Рунов К. У истоков нового жанра // Там же. С. 2.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 66. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Премии 1958 года. Секретариат. Дело № 9. Стенограммы заседаний секции музыки от 6/II, 10/II, 2/IV, 3/IV – 1958 г. Начато 10/II-1958 года – окончено 3/III-1958 года. 52 листа. – Л. 6–7.
- ²¹ От Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства. // “Известия”. – 1958. – 15 февраля. – № 39. – С. 2.
- ²² Б. п. В честь народной советской интеллигенции. // “Советская культура”. – 1958. – 11 февраля. – № 18. – С. 3.
- ²³ Постникова Е. Шостакович – автор и исполнитель. // “Советская культура”. – 1958. – 15 февраля. – № 20. – С. 3.
- ²⁴ Имеется в виду строка “Все они убийцы или воры...” из третьей части Поэмы “В том краю, где жёлтая крапива...” на слова одноимённого стихотворения С. Есенина.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 66. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Премии 1958 года. Секретариат. Дело № 9. Стенограммы заседаний секции музыки от 6/II, 10/II, 2/IV, 3/IV – 1958 г. Начато 10/II-1958 года – окончено 3/III-1958 года. 52 листа. – Л. 32–36.
- ²⁶ Это серьёзное замечание было голословным, недоказуемым. А. Д. Мачавариани был профессиональным композитором, который владел оркестром. В практике композиторов бывали случаи, когда оркестровку делал другой композитор или оркестратор. Этого не чурались даже такие композиторы, как С. Прокофьев.
- ²⁷ Дело в том, что на секции музыки рассматривались кандидатуры музыкальных спектаклей из выдвинутых в области театрального искусства.
- ²⁸ “Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя”.
- ²⁹ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 66. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Премии 1958 года. Секретариат. Дело № 9. – Л. 53.
- ³⁰ Опера А. А. Бабаева “Арцваберд”.
- ³¹ Тулин Юрий Нилович (1921–1986) – живописец, член Союза художников СССР, автор жанровых и исторических композиций. В 1958 году его работа “Лена. 1912 год” была отмечена премией Гран-При Международной художественной выставки в Брюсселе.
- ³² Кинофильм С. А. Герасимова
- ³³ Кинофильм “Поэма о море”.
- ³⁴ РГАЛИ, фонд Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 63. Секретариат.

- Дело № 5. Стенограммы заседаний Пленума Комитета от 4/IV, 5/IV и 6/VI-1958 года. Начато 4/IV-1958 года – окончено 6/VI-1958 года. 103 листа. – Л. 28–39.
- ³⁵ В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства. // “Правда”. – 1958. – 4 сентября. – № 247. – С. 1.
- ³⁶ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466. Протоколы заседания Секретариата Союза композиторов СССР. Протокол № 28 от 9 декабря 1958 года. – Л. 321.
- ³⁷ Б. п. Насущные задачи Союза композиторов. // “Советская музыка”. – 1958. – Апрель. – № 4. – С. 4–5.
- ³⁸ К тому времени уже было широко известно о том, что Свиридов работает над новым ораториальным сочинением на слова В. Маяковского, которое получило окончательное название Патетическая оратория.
- ³⁹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466. Протоколы заседания Секретариата Союза композиторов СССР. Протокол заседания Секретариата СК СССР 29 декабря 1958 года. – Л. 322–343.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 164. Секция музыки. Дело № 2. Личные дела кандидатов, не получивших Ленинской премии 1958 года. 1959 год. 86 листов. – Л. 49–50.
- ⁴¹ Тихонов Н. С. Выдающиеся произведения советского искусства. // “Правда”. – 1958. – 22 апреля. – № 112. – С. 3.
- ⁴² “Известия”. – 1958. – 22 апреля. – № 96. – С. 1.
- ⁴³ Хачатурян А. Поиски совершенного. // “Советская культура”. – 1958. – 24 апреля. – № 49. – С. 3.
- ⁴⁴ “Правда”. – 1958. – 24 апреля. – № 114. – С. 3.
- ⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 3333, оп. 1, ед. хр. 55. Две рецензии в журнал “Советская музыка”. Авт. маш., 1 л.
- ⁴⁶ Кремлёв Ю. По поводу Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича. Авт. маш. – РГАЛИ. Ф. 654, оп. 4, ед. хр. 865, л. 4–15. На л. 15 рукой автора представлена дата: 3 декабря 1957 года. На л. 4 сверху редакторская ремарка: “Не пошло”. Судя по второй, неясно читаемой ремарке, статья предназначалась для второго, февральского номера журнала за 1958 год.
- ⁴⁷ Там же, л. 15. Любопытно, что поэт С. Городецкий называл героя военных симфоний Шостаковича “Петрушкой на войне”, что отметил Г. Свиридов в 1980-е годы.
- ⁴⁸ Более подробно об этом см. мою вступительную статью “Музыкальная теодицея Георгия Свиридова” к тому XXII Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова, в котором был издан хоровой цикл “Песнопения и молитвы” (М.; СПб.: Свиридовский национальный фонд, 2001. – С. V–XLIV).
- ⁴⁹ Запись в тетради 1987 (I). Цит. по изданию: Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. – М.: Мол. Гвардия, 2002. – С. 397.
- ⁵⁰ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Юрген Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: Издательство “Весь мир”, 2017. – С. 84.
- ⁵¹ РГАЛИ Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 79. Секретариат. Папка XVI. Письма-отзывы о кандидатурах, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1958 года по разделу музыки. Январь–март 1958 года. На 103 листах. – Л. 62.
- ⁵² РГАЛИ Ф. 2916, оп. 1, ед. хр. 79. Секретариат. Папка XVI. Письма-отзывы о кандидатурах, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1958 года по разделу музыки. Январь–март 1958 года. На 103 листах. – Л. 45–46.
- ⁵³ Тетрадь № 9 в линейку с вырезанными листами в дерматиновой обложке жёлтого цвета. “Восход”, Москва. Филиал № 2 Арт. 6345-р ГОСТ 13309-74. Сквозная паг. 142 с. Почерк Г. В. Свиридова. 10 л.